

СМЕНА

Шварц

9

1955

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В КРАЮ НОВОСЕЛОВ

Леонид ЧИКИН

Рисунки А. Паунова

Я ЗНАЮ ЭТО САМ

Приходилось вам весной снежною,
Будто в обстановке Бовой,
Вольной степью, белою, безбрежною,
Ехать на машине грузовой!

То метель,
То лягут липкой жюйкой
На дорогу поздние снега,
Не поймешь, куда машина движется:
То ли в степь,
то ль к черту на рога!

А случалось вам ночами мглнстымн,
Проклиная ветер и мороз,
Мерзнуть в поле вместе с трактористамн,
Ожидать «техничку» у поноси!

Знаете ли, как во время отдыха,
Лишь заткнет на минуту степь,
В чистом поле да под майским воздухом
Вкусен свежевыпеченный хлеб!

Неужели не пришлось ли разу вам
К трактору идти по полосам!..

Мне никто об этом не рассказывал —
Я там был,
Я знаю это сам.

МОЖЕТЕ РАССЧИТЫВАТЬ НА НАС

К площадки в полуночную пору,
Под колеса подмяная снег,
Подошли машины,
И шоферы
Разошлись по избам на ночлег.
Двое суток липкий снег месили,
Ни минуты отдыха в пути,
И порой машины, обессилев,
Не могли вперед уже идти...

Сон заслужен.
Только на вокзале
Вдруг вздохнул и крикнул паровоз.
Отдых нужен.
Только приказали
Добровольцев увезти в совхоз.
Старший посмотрел усталым взглядом,
Вечн покрасневшие тротер
И сказал:
— Ну что же! Если надо,
Едем. И какой тут разговор!

Засверкали фары над селеньем,
«Экси» разбудили тишиною
И ушли в восточном направлении —
В ночь,
под звездки,
в степь,
на целину.

ИДУТ ДОЖДИ...

Нам бы всем, как эти вот ребята,
Только скажут — выслушать приказ
И ответить твердо:
— Если надо,—
Значит, мы готовы хоть сейчас.
Можете рассчитывать на нас!

Уже четвертый день дожди идут.
Четвертый день без дел сидит бригада.
По сводкам, пашут где-то нынче рядом,
Закончить сев торопятся. А тут...

Сегодня утром трактор буксовал.
Дождь все стучит по стеклам.

А давно ли
Друзья пожали руку мне до боли,
Блеснул огнями чистым вокзал!

Ты не пришла; ты не могла прийти,
Чтоб пару слов сказать мне на прощанье,
Мне б показались ближе расстоянья
И легче неизвестные пути.

Я писем жду.
Но нет и нет вестей.
Быть может, почта в этом виновата,
Быть может, я завидую ребятам,
Что получают письма
с первых дней!

Хотелось мне с тобой, хотя б во сне,
Увидеться, поговорить немного
И, как заведено, перед дорогой
Чуть помолчать...
Но сны не снятся мне.

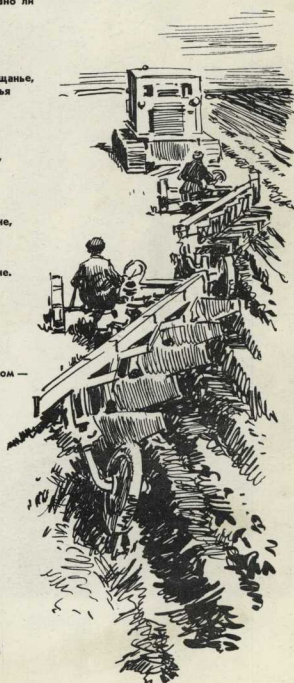
Ты мне не говорила: — Подожди.
Я жду;
я буду ждать;
я не устану.

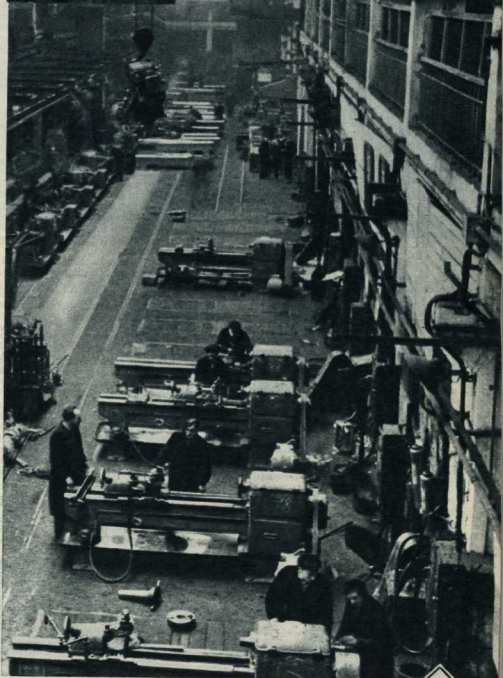
То ль небо продырявилось над станом —
Уже четвертый день идут дожди.

А НАМ И ОБЪЯСНЯТЬ НЕ НАДО...

Едва луна над степью встанет
И чуть сверкнет костра огнем,
Хоть все устали, но на стане
Звучит трехрядная гармонь.
Поют девчата про разлуку,
И, приомстившись у стола,
Со смехом,
гомоном

и стуком
Ребята режусь в «нозав»,
И весельчак какой-то рядом
Заводит шуточный рассказ...
Лишь он один тоскливым взглядом
Из-под бровей глядит на нас.

На необъятных просторах нашей Родины кипит напряженный созидательный труд. У доменных печей и прокатных станов, на нефтяных промыслах и на колхозных полях советские патриоты настойчиво борются за досрочное выполнение пятой пятилетки. Они хорошо понимают, что каждый их шаг — трудовой подвиг — это ценный вклад в дело укрепления экономического могущества любимой Отчизны.

В первых рядах вдохновенных строителей коммунизма идут советские юноши и девушки. Трудовыми успехами встретили они праздник весны человечества — Перавое мая.

Кто не знает на заводе «Азовсталь» сталевара А. Малецкого и его молодых подручных Д. Стежара и П. Луценко! Каждая третья плавка у них скоростная. На снимке мы видим их у печи № 11 — печи лучших сталеваров завода.

На снимке справа — цех № 1 станикостроительного завода «Красный пролетарий». Коллектив цеха за первый квартал этого года выпустил 43 сверхплановых станка.

На третьем снимке — пердочевая работница московского завода «Калибра» комсомолка Шура Михайлина. Наш корреспондент сфотографировал ее во время работы. Шура каждый день выполняет норму на 150—200 процентов.

Фото С. Геидельмана, Н. Хоруужего и Г. Ворниова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Май. № 9. 1955 год.

Год
издания
32-й.

ВЕЩАЮЩАЯ СИЛА

На месте

Масвок

По стране шагает весна. Она пришла, как обычно, с говорливыми ручьями, с пыльными туманами, с торжесными дынами. Далекие весны не только в природе, оно в улыбках людей, в песнях, которые звучат все громче. Люди встречают май. Первый день этого месяца на календарях всегда отмечен красным цветом. Первое май — праздник труда и мира.

К празднику принято делать подарки матери, любимой, друзьям. Но наш первый подарок — Родине. Каждый советский человек тотчас же подумает. Обдумывая своими успехами в труде, принести ей в дар плоды своего творчества.

Наша страна красива. Мы хотим сделать ее еще красивее. Она богата. Мы неустанно работаем от утрачения ее богатств! Она сильна. Мы трудимся над тем, чтобы приумножить ее мощь!

Родина! Ширь неоглядная... И повсюду — леса страны. Созидание, труд царят на нашей земле. Поднимаются новые дома, вышки, копы шахт: строить нужно больше металла, нефти, угля. Дымят заводы Урала, и с их подъездных путей уходят на запад и на восток тяжелые составы на платформах — станки, экскаваторы, автомобили.

Уходят тракторы в сибирские степи. Это поселенцы партии и народа, молодые добровольцы поднимают целину. По Волге и Меклепу горючат танкисты с караваемми баками, надо по-прежнему доставить грузы строительству.

Нынешняя весна особая. У нее свои черты. Прежде всего это весна последнего, завершающего года первой пятилетки. Это весна социалистического соревнования, вспыхнувшее перед праздником, получило такой широкий размах. Оно родилось на заводах Магнитогорска. Рабочие славной Магнитки обратились ко всем металлургам с призывом настойчивее бороться за досрочное выполнение государственного плана и тем самым «внести достойный вклад в дело дальнейшего развития тяжелой индустрии нашей великой Родины». Металлурги охотно охотно согласились с призывом и приступили к выполнению государственного плана и тем самым «внести достойный вклад в дело дальнейшего развития тяжелой индустрии нашей великой Родины». Металлурги охотно охотно согласились с призывом и приступили к выполнению государственного плана и тем самым «внести достойный вклад в дело дальнейшего развития тяжелой индустрии нашей великой Родины».

И страна услышала много новых имен героев труда. За один месяц коллективные бригады доменных прокатчиков Ивана Филиппенко и Петра Суайшова проложили и закончили более двухсот метров вертикального ствола. Таких высоких темпов никогда не знала практика шахтного строительства.

Это было в Донбассе. А в то же самое время в Москве стало известно о трудовом подвиге молодого строителя Александра Лаврентьева со станкозавода имени Орджоникидзе. Хороший подарок Родине подготавливал он к празднику, выполнив за один месяц годовую норму. Но успех молодого патриота не только в этом. Лаврентьев — большой мастер своего дела, и он бы чувствовал себя в долгу, если бы не завоевывал с «секретами» своей работы товарищей.

Он так и записал в обязательстве: «Передачу свой производственный опыт другим молодым рабочим». И вот у станка Лаврентьева стоит строгаляшник Исачкин и объяснения. Им хочется быть такими, как их учитель, имя которого накануне праздника занесено в Книгу почета Московской организации ВЛКСМ.

Весна идет. Историческая весна! Начинается грандиозная борьба за урожай. Партия и правительство развернули перед народом широкую программу подъема лесных отраслей сельского хозяйства. Главная задача — обеспечить в ближайшие пять лет

ежегодное получение не менее 10 миллиардов пудов зерна. Стоят задачи в два — в три раза выше, чем в последние годы. Пролонгировать животноводства. Помочь нашей партии в осуществлении этих планов — патристический долг каждого советского человека. Первыми помощниками, как и всегда, выступили комсомольцы, боевые, задранные люди, люди дерзкой мечты, беспокойного сердца. В комсомольские комитеты фабрик, заводов, МТС, учреждений поступило свыше 700 тысяч заявлений юношей и девушек, которые решили идти в восточные районы страны. На новые места, на целинные и залежные земли выехали уже более 115 тысяч человек.

Многие молодые специалисты изыскивали желания перейти на руководящую работу в экономически отстающие колхозы. Здесь они приложат свои силы и умение к тому, чтобы все колхозы были сильными, богатыми.

Весна идет! Весна девятаят пятнадцать латого... Десять лет назад народы торжествовали победу над гитлеровским фашизмом. Десять лет назад над рейхстагом в Берлине взвилось знамя Победы.

Нашей труду вздохнул народ Европы. А советский солдат-освободитель вернулся к себе в Родину и стал трудиться. Он поднял из пепелов Смоленск и восстановил Ленинград, Крестинск, отстроил и восстановил Донбасс, Крестинск и все дома Донбасса.

И когда его мускулы еще не совсем привыкли к обильному молотку торняка, к пилке лесоруба, к штурвалу комбайнера, изза острого желания видеть бредовые вопли о неизбежности новой мировой войны.

Но простые люди мира ничего не забыли. Матери помнят своих погибших сыновей, а города — свои разрушения.

Присяки поджигателей войны натолкнулись на мощную силу миллионов, готовых преградить путь новым могильникам жизни.

Рядом борясь за мир с каждым днем растут и растут. Странники мира проводят митинги и собрания, организуют манифестации и пикеты у парламента. Они собирают подписи под Обращением Всемирного Совета Мира о запрещении атомной войны и об уничтожении запасов атомного оружия.

Это великая сила.

Все активнее выступает за мир молодежь. В последнее время на многих странах проскакивали новые волны молодежных митингов и манифестаций. Австрийские юноши вышли на демонстрацию с плакатом, на котором изображены два солдательских могильных креста. «Под этим крестом покоится твой отец» — гласит надпись на плакате. — Хочешь ли ты лежать под другим крестом? Юноши и девушки мира запевают песню дружбы и решительности «Нет!» войне.

Следом и последовательно проводит Страна Советов политику мира. Мы мирные люди. Но наша любовь к миру не от слабости. Мы отстаиваем мир потому, что знаем, какие бедствия может принести народу война.

Мы неоднократно заявляли: не просим мира, а требуем его! И если агрессоры не прислушаются к этому требованию, то они жестоко просчитаются.

Советский Союз не одинок. У него много хороших, горячих, искренних друзей. Рядом с ним шагает новый Китай. Рядом — трудящиеся народно-демократических стран. Это большая дружная семья братских народов. Это алтарь мира и демократии, лагеря социализма, объединяющий треть человечества — 900 миллионов. Силы его непобедимы! Они растут и крепнут, это историческая закономерность. Мы не боимся будущего. Будущее за нами!

Широкий есаи, поросший дубняком, Сюда мы часто ходим за цветами. И каждая полянка перед нами. Хранит живую память о былом.

Тут от ромашек вен земля белая... Сюда с глазами, грозными, как порох. Схидные молчаливые шахтеры. Их ненависть к хозяевам вела.

Дорогу открытая горняком, И в дрожь бросая шарскую охранку, Зовущая к оружию «Варшавянина». Отсюда шаа к угрюмым рудникам.

Там замирали шахты тот же час, Подбитой птицей вздрогнули катки, Чтобы не знаящие детства дети Увидели сегодняшнюю Донбасс.

В сердцах людей упорство и любовь. Не потушила сталь жандрарских шахек... Горит роса на ветчиках ромашек. Она чиста, как пролитая кровь.

Когда ты будешь здесь, ровесник мой, Набрал цветов, уйдя домой не сразу, Задумався о тех, кому обаян Своей большой, завидной судьбой!

Александр ГЕРАСИМОВ

Кузнец

Кузнецкий цех. Тяжелые раскаты. Здесь паровые молоты стучат... Я вспоминаю юность в кузнице дощатой В своей деревне, возле крайних хат.

Пувово кувалдою с расвета Отпугива да луга лемеха; Фонтан огня, как яркий жук кометы, У ног моих на галине затаила.

И проматал годы возле горна, И наивнялись мускулы огнем... Кузнецкий цех! Все чаще и упорней Я говорю и думаю о нем.

Сюда из заложуного селения Пришла я, неизвестный никому, И продолжал упорное служенье Неалекому искусству своему.

А годы шли. О них сагитал песни — И выросал с песней горда, И не было отрадней и чудесней На подвиги зовущего труда!

Сейчас на месте кузницы дощатой Встают цеха ремонтной мастерской, И дряет степь полям моим и хатам Могуче турбинный рад рекой.

...Кузнецкий цех. Сквозь гуакие раскаты Здесь летает песня из людских сердец. Что я в стране счастливой и богатой Своей судьбы хозяин и кузнец.

Wir fordern: **LESEBÜCHER**
statt **SOLDBÜCHER**

Wir wollen *märschieren*
NICHT *maršieren*
und *Krepiere*
und Krepieren

В РЯДАХ НАШИХ ДРУЗЕЙ

Юность, весна, мир! На языках всех народов планеты звучат эти слова. Юность — это надежда человечества, его бессмертие, это никогда не кончаемая весна людей всей земли, борющихся за мир и счастье.

Народы мира едины в своей борьбе отстоять мирный труд, красоту нашей земли. Люди хотят воздвигнуть что-то более вечное, чем заводы, фабрики, а не прятаться в бомбоубежищах.

В Советском Союзе, во всех странах простые люди ставят свои подписи под Обращением Всемирного Совета Мира.

Братство стоит на страже мира молодежи. Разные политические убеждения не являются для нее преградой на пути к объединению своих сил в борьбе против поджигателей новой мировой войны.

Сегодня мы рассказываем о молодых борцах за мир: Гершвин, Францик, Уругва.

На снимке: молодые рабочие города Доссельдорфа вышли на улицу с плакатами: «Мы хотим единства Германии, а не братоубийственной войны», «Молодежь говорит «Нет!» перевооружению», «Нам нужны книги для чтения, а не солдатские книжечки».

КОСТЫ МИРА И СОЛИДАРНОСТИ

Беседа с немецким писателем
Вилли Бределем

О молодежи всегда говорят с хорошим, добрым чувством, ибо каждый человек видит в подрастающем поколении будущее своей страны, своего народа. Это же чувство владеет мной, когда я рассказываю о молодежи Германской Демократической Республики.

В послевоенный период у молодого поколения ГДР появились темы, глубоко противоположные тем, которые были присущи молодежи довоенных лет, воспитанной гитлеровским режимом. Стремление к миру, тага к зле-

нию, чувство ответственности за судьбы своей родины, уверенность в своем будущем — эти черты присущи юношам и девушкам, выросшим в новых условиях.

В наши дни молодежи играет большую роль в хозяйственной и культурной жизни страны. Тысячи молодых рабочих и крестьян учатся сейчас в высших и средних учебных заведениях. Они пополняют наши научные и технические кадры. С энтузиазмом, присущим юности, поднимают они народное хозяйство страны.

Молодежь отлично зарекомендовала себя на самых различных постах. Сейчас никто не удивляется тому, что в провинции Бранденбург министром культуры работает двадцатитрехлетний Брант, лишь недавно окон-

чивший университет. И никого уже не поражает, что наряду с опытившимся инженерами пользуются национальную премию три молодых мастера на одном из заводов.

В сознание молодежи все больше проникают асоциалистические идеи марксизма-ленинизма. Это относится даже к тем, кто в прошлом находился под влиянием гитлеризма.

Можно без преувеличения сказать, что Эрнст Тельман в наши дни является самым любимым героем немецкой молодежи. Не случайно новый кинофильм «Эрнст Тельман — сын своего класса» просмотрело в Германской Демократической Республике свыше тридцати миллионов человек.

У молодежи есть и другие об-

разцы для подражания. Немецкие юноши и девушки полюбили Павла Корчагина, Зою Космодемьянскую и других героев, рожденных советской действительностью. Их образы вдохновляют немецкую молодежь на активное участие в строительстве новой, демократической Германии.

Время, в которое мы живем, насыщено борьбой всех народов против поджигателей новой войны, за мир, за прогресс. Первое место в этой суровой борьбе принадлежит молодежи.

Немецкая молодежь испытала на себе ужасы прошлой войны. И, может быть, поэтому так огромно сейчас ее стремление к миру, к воссоединению своей родины в одно демократическое государство.

«За мир и дружбу!» — под таким лозунгом будет проходить пятый Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Варшаве. И в с ней в ее участии подготовительного комитета фестиваля.

В совместной борьбе еще больше крепнет единство молодежи Восточной и Западной Германии. Молодые немцы хорошо понимают, что только единство действий может пресечь преступную деятельность поджигателей новой войны.

У молодежи Восточной и Западной Германии общие интересы и стремления. Это хорошо выражается в тех многочисленных митингах, которые проходят в провинциальных городах. В городе Бойцбург-на-Эльбе митинг состоялся на мосту, соединяющем разделенные границей части города.

Тот, кто бывал в Германии в сентябре в День мира, мог видеть волнующую картину. По обеим сторонам границы, разделяющей Германию, вспыхивают огромные костры мира и солидарности. Эти костры, зажженные руками молодых немцев, горят днем и ночью. Яркое пламя взвивается вверх, символизируя единные стремления молодых патриотов.

Юноши и девушки Германии понимают, что мира не ждуть,—его завоевывают в борьбе. Немецкая молодежь борется, защищая свое будущее.

МОЛОДЕЖЬ ФРАНЦИИ ГОВОРИТ: НЕТ!

Робер Буае,
французский журналист

Это случилось во французском городе Б, где, как и во многих других городах Франции, растет движение против парижских соглашений о вооружении Германии.

Они сидели в единственной комнате ветхого домика, у дере-

вяного стола, скрипящего при малейшем прикосновении. Ковблужный огонек свечи едва освещал молодые лица.

Их было десять юношей—рабочие, подмастерья и один студент. Многие знали друг друга давно. Живя в одном квартале старого города, они еще в детстве вместе играли, позже ходили компанией в кино, на вечера или просто гуляли вдоль набережной. По совету одного молодого коммуниста юноши вступили в Союз республиканской молодежи Франции. Свою группу они назвали именем молодого партизана из их квартала, убитого немцами в дни оккупации.

—В этот вечер обсуждалось участие членов группы в борьбе против вооружения Западной Германии. Южор сообщил, что ему удалось собрать подписи всех рабочих своего цеха под петицией заводского комитета мира. Андре рассказал о своей работе среди студентов факультета, где сильным влиянием еще пользовались социалисты и церковники. Наконец, поднялся Жан, высокий двенадцатилетний блондин, работавший электромонтером на небольшом заводе.

— Нам сегодня порядком пришлось побегать по кварталу,— начал он.—Все, кому мы объясняли смысл парижских соглашений, подписывали петицию. В одной из квартир девушек, очень удивились нашему приходу. «Неужели вы думаете, что можно избежать вооружения Германии?»—спросил они. Мы ответили: «Если бы мы не верили в это, то не ходили бы по этажам. Все девушки подписались.

— Это очень хорошо,—проговорил Эмиль, фотограф по профессии.—А наша группа в целом что делает? Плохо еще мы работаем с молодежью. Мы должны показать молодым людям, что вооружение Германии затрагивает их личные интересы.

— Правильно!— сказал Пьер.

Снова поднялся Жан и коротко изложил свой план, который все одобрили.

Через несколько дней юноши вновь собрались в своем домике. На этот раз они принесли с собой две банки из-под консервов и занялись танцевальными приготовлениями. Затем около полуночи все разошлись.

Негромко переговариваясь, юноши шли по темным улицам спящего города. Время от времени они настроенно оглядывались: нет ли слуховой Возле большого каменного моста двое из них остановились.

— Если я начну насмехаться «Парижского мальчишка»,— сказал один из них,—завяжи, замечена опасность. Договорились!

Остальные бегом кинулись к середине моста. Жан быстро раскрыл чемоданчик, товарищи загорделиво его плотной стеной, и начал работать кистью. Вдруг молчание ночи нарушили звуки песни Иза Монтана «Парижский мальчишка». Жан быстро спрятав кисть в чемоданчик, юноши стали спонор к перилам, закрыли их на протяжении нескольких метров, и начали громко болтать. На мосту оказалась полицейский.

— Что так поздно шатаются по улицам!—спросил он.

— Дышим свежим воздухом, серпант!—ответил Жан.

— Лучше бы отравлялись спать,—прозрачал полицейский и прошел дальше.

...На следующее утро на мосту собралась большая толпа, рассматривавшая огромную надпись на перилах: «Долой перевооружение Германии!».

В толпе раздавались одобрителные возгласы.

Через день возле мэрии состоялся митинг призывников, на котором они дружно выступили против перевооружения Германии. Призывники попросили Эмиля сфотографировать их на фоне лозунга и решили послать фотографию в газету.

—Вскоре группа снова собралась в своем домике. В этот день для пришедших не хватило табуреток: группа пополнилась новыми членами Союза республиканской молодежи Франции.

Андре удалось создать на своем факультете комитет борьбы с участием студентов—социалистов и католиков. Когда в Национальном собрании начались дебаты о ратификации парижских соглашений, среди тысяч людей, осаждавших Бурбонский дворец, можно было видеть делегацию из города Б, в которую входило больше пятидесяти человек. В числе делегатов был Андре со своими товарищами. Они мчались на мотоциклах всю ночь, чтобы проехать шестьсот километров, отдающих город Б от столицы. Вперед дигались три мотоцикла, на каждом из которых сидели студент и студентка. Были коммунистической, социалистической и католической, но мотоциклы, и на каждом из них, украшенном флажками и гирляндами, четко вырисовывался лозунг «Нет!—вооружение Германии!».

Недавно Жан, Эмиль, Андре и их друзья составили письмо сенаторам и распространили его среди молодежи города Б.

В одном из писем говорилось: «Мы знаем, что французская молодежь может стать первой жертвой парижских соглашений. Храва верность памяти юной Франции Б, убитых во время оккупации нацистами, и беря в свои руки, по их примеру, знамя свободы и национальной независимости, мы требуем от вас, господ сенаторы, выступить против ратификации этих чудовищных соглашений.»

И под этим письмом появились тысячи подписей.

Молодые патриоты Франции не признают Бурбу и сейчас. Глава Совет республики ратифицировал парижские соглашения. Они помнят слова Мориса Тореза: «Французский народ никогда не будет воевать с Советским Союзом.»

Перевод с французского.

МЫ ПРОТИВ ПАНТА АГРЕССИИ И НИЩЕТЫ

Альфредо Грания,
уругвайский писатель

Борьба за мир в Уругвае богата интересными эпизодами. Расскажу об одном из них.

Правительство моей страны подписало военный пакт с Союзными Штатами Америки. Оно не посчиталось с волей народа, выраженной на многолюдных ми-

ПАРИЖ, УЛИЦА ГРУППЫ МАНУКЯНА...

тингах рабочих, студентов и других патриотов, принадлежащих к различным слоям общества.

Для нас, уругвайцев, нет ничего наивнее этого пакта, который народ назвал пактом агрессии и нищеты. В этом названии нет преувеличения: ведь пакт означает, что правительство будет расстреливать и без того скудные народные средства для закупки вооружения и всякого военного хлама, который за негодования списывает вооруженные силы США. С той порой, как пакт вступил в действие, наш народ и особенно молодежь, всеми силами борется за его отмену.

В один из дней, когда в парламенте развернулись ожесточенные дебаты между сторонниками и противниками пакта, студенты Монтевидео организовали демонстрацию на главной улице города. Среди молодежи было особенно много учащихся вечерних школ — молодых рабочих и слушателей школы днем зарабатывающих себе на жизнь, а по вечерам учатся.

Так было и на этот раз. Когда студенты двинулись к центру, полиция обрушилась на демонстрантов и стала разгонять их. Нападению полиции было не ожидаемым. Однако молодежь не растерялась и тут же организовала сопротивление. В этой стычке особенно мужественными показали себя молодые коммунисты Монтевидео.

На улицах раздавались гневные возгласы:

— Долгой военной пакт!
— Долгой торговле родиной!
— Смерть американскому империализму!
Полиция, как ни усердствовала она, избегая демонстрантов, так и не удалось разогнать молодежь. Преследуемые конной полицией, группы молодежи разбега-

лись по переулкам, но через некоторое время вновь возвратились на главную улицу и строили свои колонны, все ближе и ближе приближаясь к центру города. Над колоннами демонстрантов то и дело проносились:

— Мы хотим больше школ и гимназий!
— Долгой военной гвардии!
— Мир! Мир! Мир! Национальная независимость!

Толканием на тротуарах народ аплодировал молодежи. Во главе одной из групп демонстрантов шла девушка. Лицо ее горело от негодования. Это была коммунистка, с юных лет участвующая в борьбе за мир. Эту группу полиция расстреляла неодноразно, но юноши и девушки собирались снова и снова и шли вперед.

Возле одного фешенебельного кафе, которое обычно посещают политики и государственные деятели, ответственные за тяжелое положение нашей страны, юные демонстранты остановились. Наступила мертвая тишина. Подойдя к дверям кафе, молодежь люди, поддержанные гражданами из толпы, закричали:

— Получайте, продажные шкуры!
— Получайте, торговцы родины!
И на политиконах, распахивавших виски, посыпался дождь мелких монет...

Это только один небольшой эпизод рисующий борьбу уругвайской молодежи за мир.

Юноши и девушки моей страны никогда не будут воевать против Советского Союза. Молодые уругвайцы хотят ближе узнать молодежь Советского Союза и завязать с ней дружбу.

Перевод с испанского.

Группа Манукуна!.. Вряд ли найдется француз, который не знает о славных патриотах, действовавших в Парижском районе в годы оккупации Франции фашистами.

Этот один, бесстрашный боец Сопротивления, возглавляемый Мишелем Манукуном, привели в исполнение смертный приговор военному командованию Парижа гитлеровскому полковнику Шварцбургу. Это они осуществили дерзкий план уничтожения эсэсовского генерала Риттера — организатора насильственного уюга французам на которые работы в Германию. Это они истязали за поруганную честь Франции.

Группа Манукуна была поистине интернациональной. В нее входили французы, поляки, венгры, испанцы, итальянцы, румыны, а двое, в том числе Манукян, были уроженцами Армении. Сражаясь на французской земле, каждый из них боролся против врага всех народов — германского фашизма. Во имя этой высокой цели они не щадили себя, проявляли чудеса героизма.

Вот, например, как группа Манукуна провела операцию по уничтожению эсэсовца Риттера. ...Генерал ехал в своем бронированном автомобиле. На ходу на подножку автомашины вскочил неизвестный и выстрелил гитлеровца. Это был бывший лейтенант испанской республиканской армии Селестино Альфонсо. Но Альфонсо промахнулся, тогда выстрелял поляк Райман.

Синком, который мы воспроизводим из «Сфинкса», сделав в зале «суда» в феврале 1944 года за несколько дней до расстрела молодых патриотов.

Их было двадцать три. Ниццы подвергались каждому из группы Манукуна страшным пыткам. Но никто не дрогнул, не склонил головы перед врагом. На суде они держались мужественно и гордо, там, как и подобает славным бойцам Сопротивления, так же, как держались перед врагами их братья по духу — молодоговардейцы в Краснодоне.

Нельзя без волнения читать письмо Манукуна своей подруге Мелине, написанное им за несколько часов до казни.

«Через несколько часов меня не станет», — говорится в этом письме — я буду расстрелян сегодня в 15 часов... но я не думаю об этом...

Я верю, что французский народ и все борцы за свободу достойным образом смогут почтить нашу память».

Слова Манукуна нашли горячий отклик в сердцах французоз. Недавно, в память 11-й годовщины со дня расстрела двадцати трех патриотов, одну из парижских улиц назвали Улицей Группы Манукуна.

Известный французский поэт и общественный деятель Луи Арагон посвятил этому событию стихотворение, опубликованное в газете «Юманите» 5 марта 1955 года. Мы печатаем его в переводе Семена Кирсанова.

Луи АРАГОН

Группа Манукуна

Группа Манукуна в зале фашистского «суда» незадолго до расстрела.

«Rue du Groupe-Manouchian»

Le 21 février 1944, 23 membres du groupe des Manouchian furent arrêtés par la Gestapo. Ils furent conduits au tribunal de la rue de la Harpe, où ils furent jugés par le juge Henri Rolin. Le verdict fut la mort par fusillade. Le nom de la rue du Groupe-Manouchian a été donné en leur honneur.

Вам не были нужны ни почести, ни слава, ни слезы палачиц, ни траурный парад. Одинадцать годов прошло с тех дней, когда мы шли в бой с оружием на подвиг величайший, в упор встречая смерть фашизм партизан.

На ваших улицах портреты ваши были, как пятна крови, как следы смертельных ран, а борцы, в тырью которых вы не брали, и имена, что мы с трудом произносили, должны были пугать идущих горожан.

Французы мимо шла и глаз не подымала, но лавным быстрых рук, когда закат багрян, под фото вашими по вечерам писали слова: «За Францию один геройски пали», — и рбывали ладя слух слабой утробы и природы.

И в ваш последний час, когда февраль природу украиня несем, над серобором поля, спокойно говорили один, чернородный: «Умру без словца я к немецкому народу, и знаю, что и там развеесть обман».

И счастья, счастья всем! Навек прощайте, розы, и радость, и печаль, и свет, и ураган! И земуж иди ты и прощай всею слезой, что хотела жить, пока уткнушь грозы на дальней родине, где ждет нас Ереван.

Как солнце зимнее на хом открытий светит, какая в сердце боль, а мир как осиял! Но правдоудие вернется к нам в победе. О Мелине, моя любовь, жини на свете, и пусть тебе судьбой ребенок будет дан!»

Их было двадцать три, перед расстрелом встали, нам ставши — братьями, другой из дальних стран. Их было двадцать три, свои сердца отдавших, любозлюбив в эту жизнь и ради жини павших, зо им Франции погибших партизан.

des par M.M. Bernard Lafay, Jean Godard, Robert Pimienta. — Ainsi que sur les conseils de nombreux membres du groupe Manouchian, président du Comité local de libération: De Combar (Indépendant); Fosset (M.R.P.); Ribera (R.R.R.); Ruals (R.F.P.).

Sur notre cliché : la filière officielle des membres du groupe Manouchian, emmenée en chaîne dans la salle de tribunal.

Рисунок И. Гринштейна.

М. КОЛЕСНИКОВ

ЛЮДИ И ЗВЕЗДЫ

[Глава из повести]

Как круто порой меняется ход событий! Всего несколько дней назад Наташа Морозова пробралась со своей экспедицией к загадочной горной цепи Кожина-тау на границе великой пустыни Такла-Макан — и вдруг этот срочный звонок в Пулково, к самому академику Громуву...

Академик, плотный старик в черной шапочке, нетерпеливо прохаживался по кабинету, потирая ладонью жесткую бородку. Говорил он негромко, но внятно:

— Был еще один человек, на которого, так же, как и на вас, Наталья Тихоновна, я возлагала большие надежды. Это ваш фронтовой товарищ — Николай Бредихин...

Академик остановился возле стола, на котором под стеклом лежала фотография Бредихина.

— До сих пор не могу поверить, что его нет в живых. Это был настоящий ученый, смелый экспериментатор... Я любил его, как сына... Впрочем, говорим лучше о делах.

Академик опустился в кресло, усталое проле ладонью по глазам и продолжал:

— Радуюсь вашим успехам и подвизам! Но необходимо расширить и расширить астро-географические исследования. Это так важно для науки. Причем не только для науки о себе. Результаты наших экспедиций в конечном счете помогут нашим астрономам выводить морозостойчайшие и засухоустойчивые культуры, продвигать их на Север и в засушливые районы.

— Я прихожу к выводу, Алексей Григорьевич, — сказала Наташа, — что по климатическим условиям Памир ближе к Марсу, нежели Тянь-Шань. Если сравнить последние данные...

— Что Памир! — оживился академик. — Есть высокогорная область, климат которой значительно ближе к марсианскому. Я имею в виду Тибет. Многие загадки Марса будут раскрыты именно там.

— Путешествие в Тибет — моя давняя мечта, — вздохнула Наташа.

Академик потер руки и тихо ширнул плечи.

— А как вы думаете, зачем я вызвал вас в Пулково?

— Теряюсь в догадках, — развела руками Наташа.

— Дело в том, что сегодня вечером в Пулково прибывает делегация китайских ученых по главе с профессором Гуанем. У него, как мне известно, есть к вам очень интересное предложение... Академик направился к двери.

— Итак, можете располагаться здесь, как дома. Я вас провожу.

Наташа стремительно подыалась со стула. Громув обернулся и, стоя у двери, улыбаясь, жестом остановил Наташу:

— Надо подготовиться к встрече, Наталья Тихоновна. Наденьте-ка свои орден и медали — так-то будет торжественнее.

— Но это нескромно!

— Боевые заслуги не следует скрывать. Ведь это же здорово: прославленный снайпер Наталья Морозова, ныне известный молодой ученый... Ордена, медали, научные труды. Как же такую не взять в Тибет!

— В Тибет?

— Да, да — раз уж вы такая нетерпеливая. Китайские друзья приглают участвовать в высокогорной экспедиции вас и метеоролога профессора Кайтанова.

— Сергея Григорьевича?

— Вы с ним знакомы?

— Давно хочу познакомиться, да все как-то не удается: то он в экспедиции, то я. Мне о нем часто рассказывал Бредихин.

— Да, Кайтанов далеко пойдет. У него есть размах. Сегодня вечером мы познакомимся с ним. А с Николаем они крепко дружили — это верно. Сергей Григорьевич был женат на сестре Бредихина. Погибла Вара во время блокады... Вот так-то. Ну, будем готовиться к встрече дорогих гостей.

— Алексей Григорьевич, я все же не буду надевать регалии. К чему? Теперь я не снайпер, а ученого, как вы говорите, не медали удержат.

— Вы не только ученый, но и знаменитый снайпер. Помните об этом всегда. Кто знает, может, снова придется взять винтовку в руки?

— Тогда я снова стану снайпером, Алексей Григорьевич.

Когда академик Громув вышел, Наташа осторожно вытаснула из-под стекла появившуюся во времена фотографии Бредихина.

«Вот видишь, Николай, твой Наташа делает кое-какие успехи... Еду в Тибет! В Тибет, о котором ты часто говорил в окопах под Ленинградом... Мог ли ты думать, что дерзкая девчушка с косичками, которую ты вовсе не любил, будет продолжать твоё дело...»

Вспоминания захватили Наташу. Она откинулась в кресле и уже не видела ни туманного окна, ни стола, заваленного книгами. В памяти встал тот тяжелый день...

— Ветер гнал жуткие потоки снега. Сквозь белесую мглу едва различались развалины обсерватории. Снайперы младший лейтенант Николай Бредихин и Наталья Морозова оставались на минуту в башне с проломленным куполом. Здесь было тихо, как в колоде.

На полу валялся искроверженная и пробитая осколками труба.

Бредихина всегда тянуло к развалинам обсерватории. Он осматрелся по сторонам и мрачно проговорил:

— Где стол был вст, там горь стонг!... Потом добавил глумо:— А до войны именно здесь, в этой башне, чаще всего мне приходилось работать...

Наташе представился такая звездная ночь, серебряный туман с широко раскрытым люком и у темной громады телескопа — молодой ученый Николай Бредихин...

На мгновение ей показалось странным, почти нелепым, что этот ученый, уже получивший известность, стоит здесь в белом масклате, с винтовкой в руках. Но иначе быть не могло.

Наташа взглянула на часы, дернула Бредихина за рукав:

— Нам пора, Николай Северьянович... Нескольо месяцев назад он пришел в школу снайперов, которую руководила гвардия лейтенант Морозова. О Наташе тогда часто писали в газетах, ее портреты помещали в журналах. На фронт она ушла добровольно с последнего курса института.

— Богатинкой займусь после войны, — сказала она подругам на прощание.

Однажды начальник штаба полка предупредил ее:

— К вам в школу просится один астроном. Он из Пулкова. Глубоко шитская личность, не успешная эвакуироваться в Алматы. Попробуйте, может, из него толк выйдет. Тогда уж ему и звание офицерское присвоим.

Наташа только пожала плечами. Она считала, что снайпером нужно родиться. А что представляет собой этот астроном — кто его знает?

Новичок не понравился Наташе. Он казался ей почему-то слишком самоуверенным. Когда Бредихин впервые вошел в землянку. Когда Бредихин предложил ему есть и не подавала руки. Но это его мало смутило. Он стоял и, не отрываясь, смотрел на ее мальчонке, почти детские руки. Потом взглянул на часы, спускающиеся из-под шпильки, и, улыбаясь, сказал с явным восхищением:

— Просто трудно поверить, что это вы отправляли на тот свет сто двадцать семь фашистов!

— Сержант Калайда, займитесь новичком! — коротко распорядился Наташа, даже не удостоив Бредихина взглядом.

Когда они встретились на следующий день в окопе, Наташа спросила строго:

— Что это за кольцо у вас на пальце?

— Деревянное кольцо. Миртового. Оно досталось мне от отца. Он был путешественником. В деревености считал, что такие кольца придают бодрости и укрепляют силы путника. Если хотите, я подарю его вам, — предложил Бредихин.

— Спасибо. Бодрости у меня и так достаточно. А сейчас — на зияния...

Как вскоре убедилась Наташа, Бредихин оказался понаглывшим и терпеливым учеником. Подчас она даже завидовала его выдержке. А он только поменялся и говорил:

— Удивительн, право, несему. Ведь чтобы наблюдать из года в год какую-нибудь звезду, нужно иметь огромное, исключительно терпение.

Обучала новичков Наташа также всего в

окопач и засады. Она сама высказывала для них новые позиции, вместе с ними выдвигала расположенные огневых точек и близлежащий противника.

Часто, когда противник начинал артиллерийский обстрел, Наташа и Бредихин переходили на запасной рубеж и выжидали прекращая огня, чтобы снова выдвинуться на передний край.

Как-то Наташа попросила Бредихина: — Расскажи мне о звездах, об астрономии.

Бредихин рассмелся: — Скажу вам по секрету: настоящим астрономом я никогда и не был. Так-то. Астрономия как наука меня мало интересует и сейчас. А кем же вы были? — удивилась Наташа.

— Астроботаником или астроботаником, изучал растительность на Марсе, Венере. Как видите, я больше ботаник, нежели астроном.

— Вы шутите? Изучать растеня на других планетах — фантазия какая-то! Ведь я тоже немного ботаник и знаю...

— Почему же фантазия? Исследование возможности жизни на других планетах занимают весьма серьезные люди. Например, академик Громов...

— Вы растекывала Наташе принципы изучения растительности на Марсе, пока она не призналась хистерически:

— Все это слишком сложно.

— Простите — спохватываясь Бредихин, — я увлекся и забыл, что вы неподготовленный слушатель.

После этого разговора Наташа загрузилась. У Бредихина свои интересы, и она никогда не поймет, чем живет этот человек. Все, о чем говорил он, просто недоступно ей.

Венериана она все чаще и чаще отыскивала взглядом в небесных просторах красную, словно огневую планету, и подолгу смотрела на нее. Может быть, там тоже живут разумные существа, которые страдают и любят? От этой мысли начинало тревожно биться сердце... Она и сама не заметила, как, в какой из этих тревожных дней, проведенных под огнем среди развалин, где «до смерти четыре шага», зародилось в ее груди до сих пор неизгладимое, воспоминание, чувство... И никто, кроме нее самой, не знал об этом.

Бредихин был слишком увлечен своими мыслями, чтобы увидеть происшедшую в ней перемену, да и Наташа умела скрывать свои чувства. Поэтому разговорили они только о звездах.

Когда Наташа попросила Бредихина подробнее рассказать об астроботанике, тот удивленно поднял брови:

— Охота вам, Наталья Тихоновна, ломать голову над всеми этими проблемами!

— Охота! — сказала она с каким-то вызовом. — Хочу знать все, что знаете вы. Решительно все. Понимаете?

Он серьезно посмотрел ей в глаза, взял карандаш, бумагу.

— Извольте. Попытаюсь объяснить.

— Значит, наличие растительности на Марсе — фактически не доказано? — спросила Наташа.

— Вы правы, не доказано. Некоторые ученые считают, что на Марсе не может быть растительности, так как там очень суровый климат, мало воды, кислорода и так далее. К таким ученым принадлежит и мой приятель, метеоролог Кайтанов. Он отрицает астроботанику как науку.

Бредихин помолчал и с еще большей горячностью затворил о том, что, видимо, вополово его до глубины души.

— Вы слышали, что-нибудь о таблицах Кайтанова? Его расчетами пользуются сейчас при аэростатосемке, маскировке и демаскировке военных объектов. Он был самым передовым ученым академии Громова, несколько лет кропотливо изучал способность всевозможных земных растений отражать разные лучи спектра. И вот такой чертовски талантливый человек потерял веру в астроботанику и занялся метеорологией.

И с этого дня Наташа стала с несправно думать о Кайтанове, который причинил столько огорчений ее любимому. «Сидит этот метеоролог где-нибудь в глубоком тылу и на звездах в трубу любуется!».

...Он переполнил поле, задыхаясь от ветра,

дувного прямо в лицо, и подобрались к подобию фантасметскому танку.

Бредихин с трудом открыл тяжелый люк, и они забрался в промерзшую стальную громадину.

— Устронись недурно, — пошутил Николай, заглядывая в смотровую щель.

— Закутываетесь потнее. Нужно сберечь. Огонь брат маленькую Наташу с собой в тайгу на охоту. А теперь бати тоже на фронте...

— Эрика! Я, кажется, нашел...

Наташа с трупом открыла глаза. Она не задела, как задела.

— Что случилось, Николай Северьянович?

— Нашел... Теперь бы мне таблички Кайтанова...

— Вы бредите?

— Маучите! Сейчас все объясню. Слушайте: это же чертовски просто. Растительность Марса не отражает инфракрасных лучей, рассуждал я. А не является ли такая особенность следствием сурового климата? Инфракрасные лучи несут почти повсюду солнечного тепла, — значит марсианские растения должны поглощать эти лучи для сохранения? Вы понимаете?

— Это так важно, Николай Северьянович?

— Да, очень родная, это очень, очень важно. Надо завтра же сообщить об этом академику Громову.

А сейчас давайте запишем эти сообщения.

Но Наташа уже не слышала ничего. Он сказал ей: «Моя родная. Значит, любите». Она слышала все, чтобы быть достойной его любви...

Занималось серое, шептливое утро. Из-за кустарника выползала вражеская автоколонна. Сердце Наташи учащено забилось. Она стала лопать в перекрестье оптического прицела мотор головной машины.

Финиши, не понимая, откуда по ним стреляют, и в панике соскочивши с грузовиков. Бредихин сползком набирал цель и нажимал на спусковой крючок.

— Догадываетесь! Окружают! — крикнула Наташа.

Они выбрались из танка через десантный люк, проползли между грузовниками и, припадая к снежному нахону, направились к лощине. Над их головами засверкали пули. Они ложились все ближе, иногда облаянная лунка снежной пыли... Только бы доползти до лощины!

Каждый раз, когда Николай заставлял на месте, Наташа делала тревога. Но вот наконец и лощина.

Но что это — Бредихин вдруг уронил голову, припадая на локте и снова упал.

— Николай Северьянович! Коля! — в отчаянии вскрикнула Наташа.

— Ничего, милая... ничего, — прошептал он. — Отходи. Отстреливайся и отходи...

Только теперь Наташа увидела вражеских солдат. Они приближались со всех сторон. Наташа подползла к Бредихину, сидел с пояса гранату, положив ее рядом и встал за винтовку. Она решила отбиваться до последнего патрона. Но тут же перед ней аметаллю стал земля и закрыл безгучных автоматчиков, заснеженное поле и небо...

Позже, в госпитале, Наташа узнала, что в тот памятный день началось наступление наших войск из района Пушка.

Бредихин с тех пор полевая сумка Николая Бредихина с его записками висела на ней. Это — то, что осталось от человека, которого она так любила...

Наташа не заметила, как в кабинет вошел академик Громов.

— Пора переодеться! — громко сказал он. — Гости-то на пороге.

...Китавские ученые с интересом осматривали пятидесятиметровый

мениковский телескоп, который был недавно установлен в обсерватории.

— Мы рады, что нам посчастливилось побывать в астрономической столице мира, — сказала Громову профессор Дунав.

На его сухощавом смуглом лице не было ни одной морщинки; черные, чуть выпуклые глаза задорно доблестились, в уголках тонких губ пряталась улыбка. Обращаясь к Наташе, профессор сказал:

— Китавские астрономы пристально следят за вашей работой. У астроботаники большое будущее. Я уполномочен пригласить вас, товарищи Морозова, и профессора Кайтанова в высочайшую Тибетскую обсерваторию.

Наташа не успела и рта открыть, а Кайтанов уже благодарил профессора.

— Большое спасибо, товарищи Дунав. Мы с радостью принимаем ваше предложение...

Познакомилась Наташа с Кайтановым всего несколько минут назад. До этого, часто пользуясь его табличками, читая его книги, зная, что он участвовал в поиске Сихотэ-алинского метеорита и готовит новую экспедицию к месту падения Тулунского метеорита, она почему-то представляла себе Кайтанова сухощавым старичком и очень удивилась, когда перед ней предстал смуглолицый человек с пышной черной бородой. «Хочет походить на капитана Немо», — подумала Наташа, но, рассмотревшись внимательно, поняла, зачем молодой профессор отпустил такую бороду.

нижняя часть его лица была покрыта шрамами. Орденские колодки на его груди сказали ему, что метеоролог в дни войны был там же, где и он с Бредлиным. Ей стало известно, что она прежде несправедливо думала о Кайтанове как о трусе. Но нежность эта быстро прошла, и ей почему-то стало очень легко, точно она была давно знакома с Кайтановым.

— Я рад, что именно с вами поеду в Тибет! — сказал он, улыбаясь. — Ведь я так давно хотел поговорить с вами, Наталья Тихоновна! И даже открыл тайну: с дней войны хранил журнал с вашим портретом. Теперь мы будем вместе работать. А еще говорит, что чудес не бывает!

— Я верю в чудеса. Вам знакомо это кольцо?

— Митровское кольцо? — Кайтанов с изумлением взглянул на ее протянутую руку. — Вы знали Николая Северьяновича?

— Да, мы познакомились на фронте.

— На каком?

— На Ленинградском, вот здесь, в этой башне. В пяти метрах отсюда проходила траншея, и Николай погиб здесь, совсем неподалеку...

— Я очень любил его, — тихо проговорил Кайтанов.

Да, именно в пяти метрах отсюда проходила траншея. От нее даже следов не осталось. Главное здание восстанавливается в том же стиле, в котором оно было построено Брыловым. Нет больше руин. И Наташа Морозова снова вернулась сюда...

Между тем продолжался осмотр обсерватории.

— Теперь, друзья мои, ознакомимся с монтажной схемой крупного нашего инструмента, — предложил Громов. — Я имею в виду большой рефрактор.

Гости с интересом осмотрели рефрактор, организационный солнечный телескоп и фотографическую полярную трубу. — А скажите, правда ли, что знаменитый снайпер Морозова и вы — одно и то же лицо? — неожиданно обратился к Наташе профессор Дуань.

— Мне приходится бывать на фронте, — ответила она.

— Скромничать, скромничать! — воскликнул Громов. — Она-то и есть знаменитый снайпер, да и альпинист неплохой, поверьте мне.

Когда обсерватория была осмотрена, ученые перешли в кабинет Громова. Профессор Дуань, наблюдая за темным приемом, открыл портфель, достал шкатулку, разарисованную затейливыми узорами, и вынул из нее небольшой серый камень.

— Это осколок большого метеорита Амиз-почкин-диора, — пояснил он. — Название метеорита условное, так как никто точно не знает места его падения. Некто пастух по имени

Пурек нашел этот осколок в горах Амиз-почкин-диора в Северном Тибете. Осколок попал в Лхасу и был передан в Амдадзано папу. Когда я впервые взял в руки этот камень, то на моих пальцах остались следы угольной пыли. Видите, какой он рыхлый, крупчатый! Нигде в мире нет такого метеорита. Мы приступили к микроскопическому исследованию его. Вот шлиф. Возьмите его. Можете убедиться сами.

Профессор Дуань протянул Кайтанову тонкую пластинку, вымощенную из метеорита. Кайтанов осторожно взял ее, приглядел к свету микроскопа. В кабинете воцарилась тишина. Все наблюдали за Кайтановым. Под микроскопом одноцветная темная масса метеорита ожила, приобрела различные оттенки. Вероятно, Кайтанов заметил нечто поразившее, но не решился говорить.

— Чешуйки зеленого цвета! — воскликнул он. — Если не ошибаюсь, это хлорит...

— Да, это хлорит, — подтвердил Дуань. Кайтанов поднял голову, обвел всех торжествующим взглядом и воскликнул:

— За таким метеоритом я готов идти хоть на край света! Ведь хлорит указывает на присутствие воды в метеорите. — Мы вскрыли метеоритный порошок в запаянной трубке до температуры выше четырех градусов, — сообщила профессор Дуань. — После того как трубка была охлаждена, на ее стенках появились капли воды.

— Хорошо бы поставить этот опыт и в нашей лаборатории! — сказал Кайтанов.

Он был крайне возбужден: ведь открытие воды в составе метеорита подтверждало его давнюю догадку о том, что формирование минералов на других планетах протекало одинаково. Теперь представлялся случай подтвердить догадку опытом.

— Да, это — ценное открытие, — подтвердил академик Громов. — Оно со всей очевидностью указывает на общность состава «каменных камней» и камней земных и тем самым еще раз подтверждает единство всего материального мира.

Основная цель высокогорной Тибетской экспедиции — найти метеорит Амиз-почкин-диора, — говорил снова профессор Дуань. — Но ей поручено также астрофизические исследования. Вот почему мы приглашаем товарищей Кайтанова и Морозова. Они в своем качестве специалистов и каждый в своей области сможет не только помочь нам, но и обогатить науку новыми открытиями. А осколок метеорита Амиз-почкин-диора мы дарим вам, дорогие советские друзья!

Кайтанов положил камень в шкатулку. Сегодня он был по-настоящему счастлив. Встреча с китайскими гостями закончилась ужином на квартире академика Громова. Кайтанов сидел за столом молча, на вопросы отвечал невпопад. Заметно было, что он некто напряженно думает. Наконец Кайтанов не вытерпел и шепнул Наташе:

— Я должен сейчас же унести метеорит в лабораторию! Нужно еще раз исследовать его.

— А не думаете ли вы, Сергей Викторович, что вода проникла в метеорит уже после того, как он упал на землю?

— Нет, — возразил Кайтанов. — Это не гипотезическая вода, а так называемая «связанная вода», которая вошла в состав метеорита при самом его образовании.

Они поднялись и вышли на балкон. Весенняя ночь уже опустилась на Пулукоеские высоты. При свете звезд лею Наташа казалась необычайно милым существом. Легкий ветер шепелял пряди ее волос. Она не заметила, как ее рука очутилась в руке Кайтанова. Он сказал тихо:

— Как будто никогда и не было войны... Опять перед нами большие неизведанные дороги... Погнем туда, на вершины?

Наташа молча кивнула головой. Перед ее глазами уже вставали могучие заснеженные вершины загадочного Тибета, незнакомые дальние дороги земля...

Анатолий ЛЕВУШКИН

Встреча в лесу

Страна Междарская лесная — шепчет ярямушка в красе.

С детскими лет чудесней мне не знаю, чем мои заюские леса.

С детскими лет запал навечно в душу их приятный, величавый хор. Я после быстрого ранца послушать говор пробудившихся лесов.

И однажды на замшилой тропке, там, где сосны вытянулись вверх, встретился мне мирный, незлобивый, с кожаным портфелем человек.

— Разве не боишься заблудиться? — потрепал меня он по плечу.

Я ответил, что гнездо жар-птицы отыскать в густом бору хому.

И тогда он, рассмеявшись едко, развесил: спешу я, дескать, зря, не жар-птица видится сквозь ветви — это лишь обычная зря.

Почужа знакомым новым свеско: — Лес не может ни шептать, ни петь.

Вот когда подует ветер резкий, так столам приходится скрипеть. Тут ужо я: этот хвойный, синий мир чудес, разарисовый кружок, называют просто «древесница» и «заготовительным сырель».

И ухал гражданин солидный, потерял к мальчишке интерес. Я стою! И было мне обидно за себя, за свой любимый лес. Горечь той мальчишеской обиды до сих пор я в памяти несчу, хоть потю.

Потом подомы «ядягя» видел и не только за Окой, в лесу...

А сегодня свазо лохматый вереск спешу раскрас лесной встречать.

И всему, чему я в детстве верил, мне поверить радостно опять. Как ладонь приятеля, симилом лист кленовый у себя в руке.

Разве на земном вода немая в этом светлоструйном роднике? Разве лес не дал мне новой силы?

Но отряды, что нашел здесь я, не поймают ценителей древесницы... Где ему, «поставщику сыра!» г. Разный.

Владислав ШУШЕВСКИЙ

Весна

Порою предрасветною туманной, В промозглой легте незримые с землей,

Курлякья, ягта над нашим станом Весенние посылцы — журавли.

Познатьвено капил за окошком, Чуть слышным типичи ирике задалека, Влажный ветер ласково-сторожно Шумит в густых кустах березняка.

Быть может, где-то рядом, возле стана, Соседом, гостем, радостью для нас Свой первый лист расправил над поляной

Подснежник, победивший в этот час.

Люблю я эту радостную пору, Когда и ночь не знает тишины, Когда и степь, и люди, и моторы Тревожным ожиданием полны.

Вставай, рассвет, могучий, яркий, чистый!

Труби, весна! Запомнишься ты мне Улыбкой комсомольца-тракториста И Первой бороздой на целине.

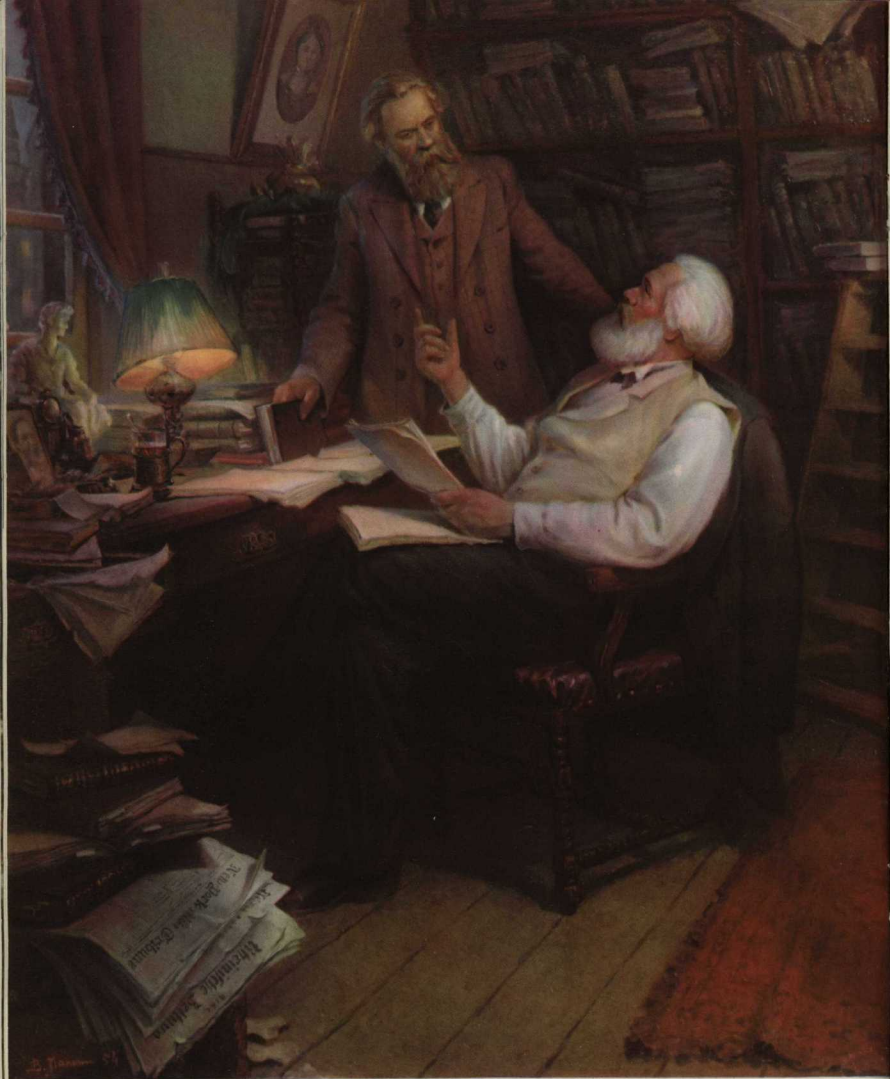
г. Новосибирск.

Коллегия Ново-Краматорского завода имени И. В. Сталина настойчиво борется за высокую производительность труда и отличное качество выпускаемой продукции. С каждым днем здесь все ярче реализуется социалистическое соревнование за досрочное выполнение планов пятилетия. В первых рядах соревнующихся идут комсомольцы, молодежь. На снимке: мастер участка механо-сборочного цеха Владимир Иванов (справа) и товарищ Василий Муравьев проверяют точность изготовления ролика для экскаватора.

Фото Г. Ворысова.

В. Лапин. «Карл Маркс и Фридрих Энгельс». (Масло).

Третья Всесоюзная выставка дипломных работ студентов художественных институтов.

ПЕСНИ АМЕРИКАНСКИХ РАБОЧИХ

Издавна так повелось, что народ в своих песнях выражает самые сокровенные думы и чаяния.
Сегодня, в день празднания международной солидарности трудящихся — Первого мая, когда на улицах Москвы и Пекина, Варшавы и Праги, Будапешта и Берлина, Вухарестя и Пхеньяна, Софии и Тираны, Ханой и Улан-Батора звучат радостные мелодии молодости и весны, хочется послушать, о чем поют простые люди капиталистических стран.
На этой странице нашего журнала мы публикуем песни американских рабочих в переводе Ю. Хазанова.

ЗНАЙ — БУРИ, ВЗРЫВАЙ!

(Песня бурлящих)

Не развезлся сумрак и холод ночной,
Ну а мы уже тут, под огромной скалой.
И хозяин горланит — от жадности хмур:
«Эй, вы, там! Нажимайте сильнее на бур!»

Бури, дружок, бури
От зари до зари,
Грудь весь день,
Затяни сильней ремня,
Путь железный строй, знай:
Бурь! Взрывавай!

А вчера вдруг как грохнет умаснейший
взрыв —
И не мило взлетел ближе к богу наш Стих.
Что ж хозяин!.. Одно лишь горланит:
«Агадавай!»
Он с пеленок такой, видно, был негодяй!

А сегодня хозяин зарплату давал,
И со Става он доллар себе удержал.
«Почему?» — тот спросил и услышал в ответ:
«Ты ж на небе болтался вчера, дармоед!»

Бури, дружок, бури
От зари до зари,
Грудь весь день,
Затяни сильней ремня,
Путь железный строй, знай:
Бурь! Взрывавай!

ТРУДНО, БРАТЦЫ, НА ФАБРИКЕ ТКАЦКОЙ

Жаден, как дьявол, наш босс! Ни на миг
Остановится не даст нам старик;
Он за полвента готов нас убить,
Только побольше Б в машину положить.

Трудно, братцы,
На фабрике ткацкой:
Не работа, ад настоящий!
Так недолго сыграть и в ящик!
Трудно, братцы,
На фабрике ткацкой.

Гроб мне не нужен, когда я умру,
Дайте мне шумуля в одну из рук,
Чтобы ущерба наш босс не понес,
Буду я ткать по дороге до звезд.

Не закрывайте могильный плитой,
Здесь положите меня, в мастерской,
Дайте мне в руки мой ткацкий челнок,
К самому раю доплыть чтоб я мог.

Трудно, братцы,
На фабрике ткацкой:
Не работа, ад настоящий!
Так недолго сыграть и в ящик!
Трудно, братцы,
На фабрике ткацкой.

МНЕ СНИЛОСЬ...

Устал я и заснул.
Мне снилось, что в раю
Я снова за своим станком
На фабрике стюа.

Из марморы цеха,
Из золота станков...
И нет тяжелой, как чуток,
Хозяина руки.

Стонт она в саду,
Та фабрика из сна,
И в нас обеда песня там
Прекрасная слышна.

Там безработных нет,
Не гонят за порог.
Там у детей всегда есть хлеб
И нет совсем тревог.

Все это здесь, у нас,
Один лишь сон пустой.
Эх, если б побывать хоть раз
На фабрике такой!

ПЕСНЯ ТКАЧИХИ

Каждый день ровно в пять утра
Встать должна я, жива или мертва.

Ох, тяжело здесь, мильяй, у нас,
Тяжко здесь, у нас!
Каждый день ровно в шесть — гудок
Вывывает сердца клочок.

Ох, тяжело здесь, мильяй, у нас,
Тяжко здесь, у нас!
...Шива нагрелся, поплнул ремени;
Мастер шляпу надел набекрень;
От него ты подмоги не жди,
Просто так — не жди.

И наши бедны хозяин глух,
От обжорства совсем распух.
От него ты подмоги не жди,
Просто так — не жди.

Каждый день, возвращаясь домой,
Я пытаюсь лелеять одной.
Ох, тяжело здесь, мильяй, у нас,
Тяжко здесь, у нас!
Дяк т скорю сойду с ума:
Ваня — работя, а ночью — тыма.

Ох, тяжело здесь, мильяй, у нас,
Тяжко здесь, у нас!

МЫ РАСТИМ ТРОСТНИК...

(Песня рабочих сахарных плантаций
Пуэрто-Рико)

Мы растим тростник высокий,
Он для мильянды готов...
Путь сейчас нам в мире горячо —
Будет слаще жить народ.

Вот созрел тростник высокий,
Он для мильянды готов...
Ох, какой прохладный ветер
Дует здесь от жерновов!

Посмотри, вон там рабочий,
Как огромная пивала,
Стронг, стронг, стронг улей,
Чтобы слаще жизнь была.

Мы растим тростник высокий,
Он для мильянды готов...
Не всегда нам жить так горячо,
Будет слаще жить народ!

В ТЮРЬМЕ И ДОМА

(Песня заключенного негра)

Лепешка, вода —
Вот и вся еда...
Лучше, лучше,
Чем была у меня дома.
Намного лучше,
Чем была дома.

Рисунок В. Каменского.

Полосатый халат,
Носки из заплат...
Теплый, теплый,
Чем был у меня дома.
Намного теплей,
Чем был дома.

Железный каркас,
Из соломат матрас...
Мягче, мягче,
Чем был у меня дома.
Намного мягче,
Чем был дома.

На руках крепкий
Кандавал земки...
Тяжелей, тяжелей,
Чем был у меня дома.
Намного тяжелей,
Чем был дома.

ЛИСТОВКИ

Эй, послушай эту песню,
Эй, послушай мой рассказ!
Расскажу, как с нашим братом
Поступали много раз.
Кто не помнит Симмаса Гарри!
Он смущен был и не трус.
Этот самый славный парень
Нас собрал в один союз.

Гарри знал, что для хозвев
Профсоюз — острый нож.
Чем ему ни угрожали,
Но такого не возьмешь!
Говорит, бывало: «Братцы,
Не дадим нас замучить,
Если азиясь, будем драться,
Не к лику нам отступать!»

Как-то шли мы с Гарри ночью,
Он листовок панку нес.
Я сказал: «Смотри, брат, зорче:
Наш хозяин зол, как пещ.»
Он ответил, помню, с жаром:
«Нет, не спрячусь я, как волк!
Путь убью, а жик недаром,
Жил, чтоб выполнить свой долг!»

Переулоком шли мы быстро,
Тяшина кругом была.
Кто мог знать, что гранат выстрел
Изо-за этого угла!

...Всем убийцам Гарри Симмаса
Мы один дадим ответ:
Не удастся вам сполнить нас,
Хоть старайтесь тыщу лет!!!

СЧАСТЬЕ — СЛУЖИТЬ РОДИНЕ!

Ясным мартовским вечером 1947 года по улице небольшой деревни Осокино-Ковали торопливо шагал молодой человек с чемоданом в руках. Звонко хрустел под ногами тонкий ледок. Деревья казались безлюдной. Человек остановился у одного из крайних домов и тихо постучал в темное окно. Засветился огонек, запылали на валопетном стекле тени.

— Это я, Николай, отворите...
В тот же вечер почти все деревня знала: сын Ксения Петровны Алтыновой вернулся с военной службы. Несмотря на поздний час, в дом Алтыновых пришли родственники и соседи. Это и дело хлопала дверь. Одной из первых явилась тетка Евдокия Ивановна.

— Ну, дождался, свой герой у нас объявился! — с гордостью скрывала она, обнимая племянника. — Эй, держитесь теперь, дескать!

Потом сходка за теткой вошла двоюродная сестра — комбайнер Илья и тракторист Анатолий. Пришли директор МТС и колхозники-соседи.

Они с любопытством разглядывали Николая, восхищенно трогали Золотую Звезду и ордена на его гимнастерке. И, конечно, начались рассказы.

— Коля! — сказал Анатолий. — Рассказки, за что тебе Герой дашь?
Анатолий считал, что ему не повезло: всю войну проработал он в той самой Юдиной МТС, откуда в 1942 году ушел на фронт бригадой тракторной бригады Николай Алтынов. Анатолий несколько раз подавал военному работнику с просьбой отправить его в Двбестурскую армию, но неизменно получал отказ: в деревне нужны кадры механизаторов.

— А что ты рассказываешь! — ответил Николай. — Воевал, как и все, может быть, чутью поудачнее...

Николай Алтынов не любил говорить о себе. А вспоминая о войне, было бы неверно. Не сразу стал он героем, и нелегко было его воинский путь. В ожесточенных боях, в суровых фронтовых буднях закалялся и мучал характер Алтынов.

На всю жизнь запомнился Николаю августовский ночь 1943 года — ночь первого боем. Ранним утром предстало наступление на Томарку — районный центр и крупный железнодорожный узел. Боевой экипаж «тридцатьчетверки» — командир танка, наводчик и заряжающий, жадно впитывали криками боем, марочным дымом, тихо беседовали возле своей машины, а Николай прилеп на траву поодаль. Курить ему не хотелось. Земля, накаленная за день солнцем, приятно дышала теплом. И если бы не глухой гул, доносившийся из-под танка, да редкие всплески ракет, разрывающих тьму, ничто не напоминало бы близость переднего края.

Долго не мог уснуть Алтынов в эту ночь. Вот уже больше года прошло, как Николай погинул свою деревню, стал солдатом, механиком-водителем боевого танка. Часть его стоит на направлении главного удара.

Утром танки пошли в наступление. Противник встретил их шквальным артиллерийским огнем. Алтынов вел свою машину на высокой скорости, маневрируя под огнем и дерзко пробиваясь к намеченной цели — небольшой, но весьма важной вышке. Когда танк перелезла за нее, водитель неожиданно увидел перевернувшиеся мнемонетки батарей противника.

По приказу командира Николай остановил машину. Танк откатился. Вскоре одна из батарей была подавлена. Однако гитлеровцам удалось «накрыть» «тридцатьчетверку». Танк резко трянуло. Командир был убит. Но Николай не растерялся. Он вел машину вперед, сквозь разрывы снарядов.

«Только бы вын до того леса дотянуть!» — думал Алтынов.

Вот и опушка леса. Николай повел машину по просеке. Неожиданно вперед показались серые танки немцев. Алтынов и его танк тот же момент застрелил танковый пулемет, метко разя фашистов.

В то памятное утро первый бой Николая Алтынова окончился победой. Враг был выбит из Томарки.

За годы войны во многих боях участвовал Николай Алтынов. На своей «тридцатьчетверке» он одним из первых врвался в Белгород и Харьков, форсировал Днепр, бился за освобождение Слонима и Барыша, брал Берлин. Да разве перечислять все дороги, которыми совершил свое путешествие старшина Алтынов! И все-таки первый бой под Томаркой запомнился ему на всю жизнь. В то утро механик-водитель отчетливо понял, как важно научиться воевать не часом, а умением. И он не забывал этого никогда.

На фронте Николай Алтынов вступил в ряды Коммунистической партии. Партийный билет вручал ему начальник политотдела в землянке на подступах к Бресту.

— Шей победный 1945 год. Уже несколько месяцев твой полк несутяжно преследовал врага. Не зная отдыха, вел свою боевую машину и механик-водитель Алтынов. Экипажем тогда командовал лейтенант Василий Иваничев.

Темп наступления нарастал. Марши становились все продолжительнее. И если наводчик старший сержант Федор Бессуднов и заряжающий сержант Аркадий Конкин могли хоть по-человечески отдохнуть, уставшие поверженно лежущие уду механику-водителю порою приходилось целую стужку не выпускать из рук рычаги управления.

Танк, которым командовал лейтенант Иваничев, около суток действовал вместе с экипажем двух других машин в тылу врага, углубляясь все больше на шестьдесят километров. Запомнился Алтынову один особенно жестокий бой. Командир танка был ранен осколком мины. От прямого попадания загорелась соседняя машина, которую вел механик-водитель старший сержант Павел Калининский. С riskом для жизни вел машину Николай Алтынов. Вспомнил своей машины остановившийся танк товарища. Калининский выскочил из люка с огнетушителем в руках, чтобы сбить охватившее машину пламя. Каждую секунду могли взорваться бензиновые баки, боеприпасы. Но танк Алтынова

попережнему прикрывал товарища, полная врага окружительным огнем. Николай твердо помнил солдатское правило: «Сам погибай, а товарища выручай».

Вскоре после того, как отменили победные салюты, Николая Алтынова вызвали в Москву. В Большом Кремлевском дворце ему вручили Золотую Звезду от председателя Государственного комитета обороны. В тот самый вечер, с которого мы начали свой рассказ, небольшая красная книжечка Героя Советского Союза лежала на столе вместе с благодарностями, полученными от Верховного Главнокомандующего. Она красноречивее любых слов говорила присутствующим о ратных делах их земляка.

— Ну, Николай, война кончилась. Как думаешь, дальше жить? К нам пойдешь? — спросил директор Юдиной МТС.

И начался большой разговор в доме Алтыновых.

Колхозник Михаил Яковлев, недавно уволенный из армии в запас, скептически возражал директору:

— Э-э, брось, Исмаил Гатаулович!.. Николай — человек, умеющий работать. Ему не в миллионное масло пахаться, а в город на работу ехать надо. Там размах. А у нас что?

Директор знал, что кое-кто из демобилизованных солдат после короткого отдыха действительно уезжал жить в город. А в их селе не хватало рабочих рук, и многие о нем как бы не учело. Он хотел было ответить Яковлеву, на котором уже укрепился в деревне слух гуляки и бездельника, но Алтынов сам заговорил:

— Так вот, Исмаил Гатаулович, определил на работу!

— Сразу и на работу?! — всплеснула руками мать. — Может, немного отдохнешь?

— Какой там отдых! — поднялся Николай. — Сеть скоро, а вы об отдыхе толкуете. Истосковался я по работе покоем.

Алтынов принял тракторную бригаду. А в бригаде было всего лишь два колесных трактора. И все-таки демобилизованным фронтовикам удалось преодолеть все трудности, успешно провести сев. Юдиный районный комитет партии и райисполком наградили Николая Алтынова почетной грамотой.

Уборочную страву Алтынов встретил уже механиком МТС. Беспокойная эта должность: механик отвечает и за своевременный ремонт машин, и за своевременную эксплуатацию техники, и за умелую расстановку людей. В те горячие дни, когда днем и ночью, не умолкая, гудели на полях машины, Алтынов возвращался домой поздно, а случалось и так, что знобя вдур развалился стуж в окно и кто-нибудь шепотом сообщал:

— Николаич, а Николаич!.. Тебя в первую бригаду требуют. С комбайном там неладно.

Крытая грузовая машина, оборудованная под походящую ремонтную мастерскую, снова везла механика в поле.

В мастерской на колесах останавливался на опушке леса. Недалеко от дороги выдвигался громада самоходного комбайна. Возле него, освещенные самодельным факелом, светились два человека. Алтынов направился к машине.

— Вот не везет! — ропсал комбайнер Тимур Тазев. — Только развелся, а тут мотор отвал.

Внимательно осматрив мотор, механик сделал заключение:

— Придется, Петро, в мастерскую ехать. Шлофер отъез неисправив мотор в МТС, а оттуда и отправил в поле. Встретил там установщик его. И когда вошло шлофер, Тимур Тазев свое повел свой комбайн в поле. В это время Николай Алтынова уже можно было видеть на полях соседнего колхоза «Горняк», где работала четвертая тракторная бригада МТС.

Одним вечером, когда миновали горячие дни уборки, Николай неторопливо походил усталого человека переступил порог родного дома, снял шапку, скинул телогрейку. Навстречу ему из-за стола поднялась тетка Евдокия Ивановна.

— Как живешь, племянник?

— Вот она, вся его жизнь: работа и работа! — отозвался из кухни мать, собиравшая ужин.

— А на тебя люди жалуются.

— Кто же? — удивленно вскинул брови Николай.

— Девчата наши. Говорят, загордился герой, на кого не смотришь.

— Да некогда жес, тетя Дуси!.. А ты, случаем, не свакой ли заделалась? — пошутли Алтман, стараясь скрыть смущение.

Грудью сказать, имел ли какое-нибудь значение этот разговор, но спустя несколько дней Алтман женился на немльской, стройной девушке Татьяне, колхознице артели имени Тельмана.

— Шли годы. Они были отмечены большими событиями. После сентябрьского Пленума ЦК КПСС, наметившего новый подъем всех отраслей сельского хозяйства, значительно поднялась в гору и Юдинская МТС. Сюда стала прибывать новая техника. Каких только совершенных машин нет сейчас в МТС: мощные тракторы, картофелеуборочные комбайны, сеялки «СКТ-Б» для квадратно-гнездового посева!

Но самое ценное, чем располагает Юдинская машинно-тракторная станция, — это люди. По призыву партии в сельское хозяйство пришли новые, знающие свое дело кадры. Инженер одного из казанских заводов В. Семенов стал во главе МТС. Главным инженером назначен Е. Славян, бывший конструктор из Казани. Но в МТС кропотливо вырабатывают и своих специалистов. С ними проводятся занятия, для них читаются лекции о новой технике. Все это дает свои плоды. Многие механизаторы значительно повысили свою квалификацию.

Летом прошлого года вместе с другими лучшими людьми республика Алтман съезжа в Москву, на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. С волнением осматривал он экспонаты, стараясь ничего не пропустить, наиболее интересные сведения заносил в блокнот; по приезде обо всем надо будет рассказать землякам.

В Навальное механизации и электрификации сельского хозяйства вниманию Алтмана привлек механический подъемник для погрузочных сельскохозяйственных орудий. В Юдинскую МТС тоже прибыли два таких подъемника. Но из-за того, что описания машины заповедли подъемника бездействовали. По просьбе Николая ему были показаны эти механизмы в действии.

Прошел целый год, как Алтман побывал на выставке, но, пожалуй, только сейчас можно оценить, как много дала ему эта поездка. Она еще больше возбудила тягучую мысль механика. За минувшую зиму под руководством главного инженера Е. Славяна Николаю построили прибор для регулировки форсунок. Теперь для проверки каждой секции топливного насоса трактору совсем не обязательно возвращаться на усадьбу МТС. Все это можно сделать непосредственно в поле. Такой прибор Алтман видел на выставке, а чертежи нашел позже в сельскохозяйственном журнале.

Соорудил Алтман и приспособление, с помощью которого можно восстанавливать поверхность корпуса коробки передач. Прежде изношенная коробка выбрасывалась или шла в специальную мастерскую для реставрации. Теперь этот ремонт проводит сама МТС.

...Мы застали Николая Алтмана в мастерской около обычной зерновой сеялки.

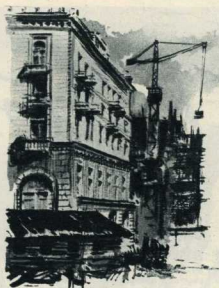
— Не удивляйтесь, хочу немного переоборудовать «старушку!» — сказала он, улыбаясь. — Пусть послужит для квадратно-гнездового способа посадки кукурузы. Мы у себя думаем увеличить посев кукурузы в этом году по сравнению с прошлым почти в двадцать раз. Представляете? А чем больше специальных машин будет на полях, тем лучше.

Мы вышли во двор МТС. Свежий весенний ветер плывул в лицо. Уже стемнело. Над головой висело темное, без звезд небо. Алтман стоял, глядя на затасканные инструменты.

— Весной пакнет, чувствуете? — сказал он задумчиво и, указывая на ряд отремонтированных тракторов, стоявших во дворе МТС, с какой-то особой гордостью добавил: — Мы ее ждем в полной боевой готовности!

Казалось, что в эти минуты бывший танкист, ныне механик МТС, Герой Советского Союза Николай Алтман снова почувствовал себя на переднем крае, как в ту ночь, перед боем у Тожаровки.

Александр ОСИПОВ

Константин ВАНШЕНКИН

Стихи о старом бараке

Расступается медленно мрак.
На борезях колышутся ветки.
Тут стопа на пригорке барак,
Верно, с первой еще пятилетки.

Дверь распахнута вназад всегда,
Спасло нее открывавшие вору
Обузившихся блок гряды
Поулемный пролет коридора,

Как туфель, что сквозь тошу земь
Порубила, в грядущее ступа.
А в конце коридора, впадок,
Тожже вечно раскрытые двери.

Предо мною пронесется вновь
Все, что в этом бывало бараке
И неслеткая жизнь, и любовь,
И радужки, и свадьбы, и драки.

Много помнит старинный барак,
Гранозвонный ровесник везов:
Караула ударила враз
Темной ночью тридцатого года.

Но итог замечательных дел
Порубила пот Первого мая,
И восторженный митинг шума,
Обязательства вновь принимаю.

...А бараку пора бы на слом,
И об этом уже говорим.

Но ударя негодливый шум,
Даю окутаться облаком пыли.

И пришла на рассвете беда,
Постучалась в фанерные двери.
Погибали в огне города,
Дети плакали, жены вдовели.

Им по карточкам скудно жилось
В те суровые, горькие годы,
И, разбросаны прямо и вкося,
За бараком лежали огороды.

Стал с войны возвращаться народ.
Вечерком на крыльцо толкуются:
— Тот, кто весточку нынче не шаст,
Тот уже возвратится едва ли...

Вспоминали друзья о былом,
На ступеньках, как прежде, куряки.
...А бараку пора бы на слом,
И об этом уже говорим!

Дни тесны греды мирных забот,
И однажды — решенье завкомом:
Соберяясь, рабочий народ:
Заселение нового дома.

Что полагать — работа несли
В чмоданах, и в суртках, и в пачках.
А тяжелые вещи везли
На машинах, поездах и тачках.

В стороне не сиди ни один.
Ожидаясь большое веселье,
И спешили уже в магазин,
Начиналось кругом новоселье.

...Наконец рассвело за окном,
И проснулся мальчишка-задрям.
Осторожно прошел боком
По прохладному полу квартиры.

Тышина. Скоро в школу пора,
И внезапно припомнил мальчишка,
Что был им в барак вчера
За обком засунута книжка.

Мигот вылетел он из ворот,
Напряжик — мимо сада, оврага,
Вот знакомый забор. Поворот!
Где ж барак?.. А на месте барак

Новый сквер был почти что готов,
И скульптуру везли дискобола,
И стояла машина цветов
У решетки резного забора.

Восхищенный, перерол он шагнул
И сказал с удовольствием:
— Слава!

...Хоть бы кашеяку парень взглянул,
Хоть бы сердце чуть-чуть зашемяло...

Было долго еще до звонка.
Он направился к шкафу вразвалку.
В жизни все хорошо... Лишь склетка
Было книги потерянной жалко.

Рисунки А. Лурье.

Весна Победы Мир

День Победы. Ровно десять лет минуло с тех пор, как отгремели залпы Великой Отечественной войны. Но и сейчас живут в наших сердцах события той весны.

Далеко позади остались рубежи родной земли, а наступление идет с прежней силой, и попрехнему раненым отказываются покидать поле боя: солдаты спешат вернуть свободу поработенным странам. Но вот смолкли последние выстрелы, и все вдруг увидели цветущие ветки яблон...

Как бы ни были суровы воспоминания ветерана, рассказывающего молодежи о ратных делах однополчанин, они всегда сканвируются возлюбленными словами о живых цветах, которые распустились в День Победы, о тысячах букетов, которыми встречали Советскую Армию освобожденные народы.

Первым днем обновления назвали День Победы освобожденные народы, начавшие строить новую жизнь. Весна победы открыла им путь к процветанию. На поля, где в жестоких сражениях решались судьбы мировой цивилизации, выходят ныне мирные труженики. На пепелищах вырастают новые города и села. Вступают в строй новые заводы. Поднимаются эвонич школы и Дворцы культуры...

Памя наших кростов на Эльбе согрело сердца миллионов европейцев. Огнь фар наших танков озарили с высот Альпана необозримые просторы Азии. Свет победы неугаим, бессмертен, как сердце народа, как его воля отстают мир.

Десять лет благоденствие человечество отмечает День Победы как праздник мира, бережно храня память об исторических битвах Советской Армии. Сердечная благодарность, братские чувства, которые питают к нашим воинам простые люди всего земного шара, воплощены в сотнях подарков Советской Армии, присланных с разных концов земли.

В одном из залов Центрального музея Советской Армии, как боевое оружие в пирамиде, стоят знамена героических частей Красной Армии, под сенью которых наши отцы и деды сражались против полчищ иностранных интервентов и белогаardeйцев в годы гражданской войны. Здесь же мы видим знамена частей Советской Армии, победоносно пронесенные сквозь битвы Великой Отечественной войны. У подножия этих славных реликвий лежат поверженные знамена разгромленных белогаardeйских и иностранных частей, штандарты немецко-фашистских и японских войск, разбитых Советской Армией в грандиозных сражениях 1941—1945 годов.

А в соседнем зале, где собраны материалы и документы о разгроме и капитуляции гитлеровской армии, под стеклом хранятся Знамя Победы, водруженное советскими воинами над зданием рейхстага в Берлине. Это дорогое сердцу каждого советского человека реликвию — свидетели великих битв, в которых наши Вооруженные Силы отстояли свободу и независимость Родины, спасли мир от фашистского чума.

Документы, фотографии, подарки, выставленные в залах музея, рассказывают не только о славных победах Советских Вооруженных Сил, но и о братских чувствах, которые питают народы мира к советским воинам.

Вот знамя, с которым встречали болгарские крестьяне из сел Казанчиче и Кривина воинов 3-го Украинского фронта. На его полотнище изображены две руки, соединенные в крепком рукопожатии, как символ вечного братства болгарского и советского народов. Здесь же блюдо, на котором, по славянскому обычаю, были преподнесены советским воинам хлеб-соль. На блюде золотыми буквами начертано сердечное приветствие: «Добре дошли».

«Братство» — так называется эта выразительная бронзовая скульптура чешского скульптора Карела Пономря. На постаменте начертано: «Тёбе — Советская Армия. 23 февраля 1948 года. Чехословацкая Армия».

Фот. А. Моклецова.

Модель памятника советским воинам, павшим в боях за Берлин. Автор — лауреат Сталинской премии Е. В. Вучетич.

Визу медаль — дар Советской Армии от жителей города Гента (Бельгия). На медали надпись: «Да здравствует Красная Армия. 23 февраля 1945 года».

Вот скульптура профессора Карела Покорного «Братство», которая ярко запечатлела волнующий момент встречи чехословацкого партизана с воином страны социализма. Партизан передает советскому солдату букет цветов, по-братски обнимает и целует его. Как символ вечной дружбы эта скульптура прислана в дар Советской Армии от армии Чехословакии.

Среди подарков от воинов Чехословацкой Армии — хрустальные и фарфоровые вазы, художественная чеканка на снарядах гильзах, модели боевой техники.

«Советская Армия-освободительница принесла нашим народам свободу... ликует в приветствии Вооруженным Силам СССР воины одной из чехословацких частей — Советская Армия — великий пример. Руководствуясь этим славным примером, и мы хотим стать прочной защитой трудящихся... Будем стремиться, чтобы дружественные связи, закрепленные совместно пролитой кровью, были несокрушимым оплотом мира, спокойствия и счастливого развития наших народов».

Разнообразны подарки и от населения городов и сел Чехословакии — национальные реликвии и изделия народных промыслов, произведения изобразительного искусства и модели, изготовленные руками рабочих. Особенно запомнились один из подарков: на дереве подставка хрустальная трубка из орехового дерева с изобразением Яна Жижки, героя национально-освободительной борьбы чешского народа. На подставке высечены слова Жижки: «Врагов не пугайтесь, на их множество не смотрите».

Много подарков пришло из Польши. Плечом к плечу с советскими бойцами сражались на фронтах воины польских соединений. Польское войско прислало в дар Советской Армии большой альбом, в котором показана борьба польского народа против немецко-фашистских поработителей и строительство вооруженных сил новой, народно-демократической Польши.

В музее экспонированы также подарки Советской Армии, полученные из Франции, Италии, Норвегии, Ирана, Мексики, Туниса и других стран.

Высокий серебряный кубок прислали трудящиеся северной Швеции. В своем письме они пишут: «...приветствуем вас — солдат победоносной Красной Армии. Мы понимаем, какую большую задачу выполнила Красная Армия в борьбе с гитлеризмом и в освобождении европейских народов».

Разгромив фашистское ядро, Советский Союз нанес сокрушительный удар японскому империализму.

О значении этой победы для китайского народа говорится в письме жителей г. Дуннин и Дуннинского уезда (Северо-Восточный Китай), написанном на красной шелковой бумаге. «Красная Армия — армия-освободительница уничтожила японское рабство, как солнце уничтожает ночь, пробудила в нас новую жизнь, как весна пробуждает природу».

Многочислены подарки китайского народа. Здесь серебряные щиты с благодарственными надписями, резьба по дереву и слоновой кости, письма на шелку и т. д. В надписях, сделанных на подарках, говорится о неурашимой дружбе советского и китайского народов.

Среди подарков от корейского народа красочное шелковое знамя. Оно было вручено советским воинам, возвращавшимся на родину после освобождения Северной Кореи. В венке из листьев лавра и дуба портреты создателя нашего государства В. И. Ленина и великого друга долготелая его дела И. В. Сталина. Под ним на корейском и русском языках надпись: «Великие подвиги

Наши победили! Этот снимок сделан в годы Великой Отечественной войны. Семья возвращается в родные места, только что освобожденные Советской Армией от немецко-фашистских захватчиков. Фото В. Гребнева.

героической Советской Армии, открывшей путь возрождения корейского народа, вечно будут прославлены на нашей земле».

Вместе с советскими людьми Центральный музей Советской Армии посещают и иностранные гости. Осмотрев экспонаты, они оставляют записи в книге отзывов. Вот что написала группа румынских товарищей:

«Румынский народ глубоко хранит большую любовь к своей освободительнице — великой и славной Советской Армии, которая дала ему возможность избавиться от гитлеровской тирании, сбросить буржуазно-помещичье ярмо и перейти к строительству новой жизни — социалистической».

Румынский народ активно участвует сейчас в борьбе за мир, демократию и социализм, во главе которой стоит великий и непобедимый Советский Союз».

«Нам нужен мир. Нам нужно строительство. Если американские империалисты осмелятся напасть на нас, то они будут наголову разбиты миром демократии и социализма, так же, как были разбиты гитлеровцы. Мы уверены, мы уверены в победе, мы всегда бдительны — эту запись сделали представители одной из делегаций трудящихся Китая. И подарки, присланные из-за рубежа, и возлюбленные записи в книге отзывов говорят о горячей любви простых людей всего мира к Советской Армии-освободительнице».

Ю. СКОТНИКОВ,
старший научный сотрудник
Центрального музея Советской Армии.

Подарки Советской Армии от китайского народа. Наверху: «Рыбачи» — работа китайских резчиков по дереву. Справа: «Чудесный шар». Внутри этого уникального изделия, вырезанного из

цельного куска слоновой кости, находится еще восемь шаров такой же филигранной работы. Внизу: модель парусоного моторного брига «Мирча» — подарок Советской Армии от трудящихся Румынии.

Читателям «СМЕНИ»

Города нашей Родины в руинах,
И на пепелищах, где погребены наши
родные и близкие,
Распуcaются сейчас белые цветы...
Дружок, не допускай такого страшного
зарема!—

такую песню сложила японская молодежь. Она называется «Пес-
ней об атомной бомбе», ее поют сейчас повсюду в Японии.

Японские юноши и девушки, пережившие первый взрыв ато-
мной бомбы в Хиросиме и второй — в Нагасаки, полны решимости
не допустить, чтобы атомная бомба была сброшена еще раз.
Коллективы японцев, подписавшихся под Обращением к за-
прещению атомного оружия, уже преищаст двести миллионов.
Коллектив по сбору имен подписей разрастался по всей нашей
стране. Для японской молодежи жин — это главное. Националь-
ная независимость, условия существования, сама жизнь — все за-
висит от того, будет ли сохранен мир. «Запретить атомное оружие!
Сократить вооружение!» — требует японская молодежь. Она тре-
бует также освобождения нормальных отношений между Япо-
нией и Советским Союзом.

Если это требование будет осуществлено, то можно не сомневаться, что многие молодые
люди Японии непременно отправятся за море, чтобы обменяться крепким рукопожатием со сво-
ими советскими друзьями.

Сунао ТОКУНАГА

У КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

Рассказ

Рисунки А. Ливанова.

Японский писатель Сунао Токунуга, гостивший недавно в Советском Союзе, принадле-
жит к числу наиболее известных деятелей современной прогрессивной японской литера-
туры.

Токунуга родился в 1899 году в семье бедного крестьянина. С детских лет он должен
был сам зарабатывать себе на жизнь. Будучи рабочим-печатником одной из крупнейших
типографий Токио, он вступил в профсоюз и активно участвовал в борьбе рабочих за
свои жизненные права.

Литературная деятельность писателя-рабочего началась в июне 20-го года. Его романы
«Улица без солнца» и «Токио, город безработных» сразу выдвинули Токунуга в ряды
ведущих прогрессивных писателей Японии. В этих произведениях он нарисовал правди-
вую картину тяжелой жизни и душевной борьбы рабочего класса Японии.

В годы второй мировой войны, когда Япония действовала в союзе с гитлеровской Гер-
манией, Токунуга подвергался преследованиям и фактически был обречен на молчание.
В 1945 году, после разгрома японских империалистов, писатель возобновил активную
творческую деятельность. Он создал много новых замечательных произведений, в том
числе роман «Тяжкие горы», повестуающий о бесправной жизни японского народа в усло-
виях американской оккупации.

Творчество писателя-коммуниста Сунао Токунуга является ценным вкладом в общенародное
дело борьбы за мир, за национальную независимость его родины.

Рассказ Сунао Токунуга «У красного знамени», который мы публикуем с некоторыми
сокращениями, носит автобиографический характер. В нем описывается, что довелось
испытать автору в пору его безработного детства и юности.

На русском языке рассказ печатается впервые.

1

...Что, уже моя очередь выступать? Вот
беда, честное слово!.. Так вы говорите, что
я должен рассказать, каким путем включился
в нашу общую борьбу, так, что ли? Хорошо.
Но почему же на меня так усталился? Ведь,
сказать по правде, не такая уж и Примеча-
тельная личность, чтобы стоять здесь, волею
этого красного знамени, и рассказывать свою
жизнь со всеческими подробностями... Ну да
ладно, ничего не поделаешь. Ведь сегодня
на собрании присутствует молодежь, новые
члены нашего профсоюза. Так и быть, рас-
скажу, как умею,— пусть знают, что рабочий
класс в любых обстоятельствах не робеет...

По моему смуглому лицу, по торчащему
шерстью подбородку вы уже, наверное, дога-
дались, что я уроженец острова Кюсю. Да,
я родился на Кюсю, в деревне Яниганга. Все
вы знаете изречение «За дела отцов водлает-
ся детям»? Не могу сказать, чтобы я в
него особенно верил. Но все же, поскольку
предки мои из поколения в поколение были
крестьяне, то и я, как видите, уродился не
слишком то изящным и деликатным с виду.
Я рос себе помаленьку, в полюбленное время
вечла ходить в школу, и худо ли, хорошо
ли, а жив и по сей день. Ничем мне стужа-
ло двадцать пять.

Что у меня до сих пор лежит камнем на
сердце, так это то, что я повинен в смерти
отца. Постойте, постойте, не торопитесь с вы-
водами! Не пойте мне, так, будто я отцеуби-
ца. Это вовсе не так.

Отец мой, видите ли, был человек честный,
прямо до глупости честный. Жизнь у него
была такая, что не позавидуешь: подати пла-
тили по немалому высокому, а долги его все
росли и росли, а ребятишки, что ни год, знай
себе рождались один за другим. Словом, ни-
какого житья не стало отцу. Вот и решил
он пойти на заработки в шахты Омути. От-
правился туда, надо сказать, не один мой
отец, а и многие другие крестьяне-бедняки.
Работал он откатчиком — толкал вагоны с
углем из забоя наверх,— получая в день за
свой труд одну вениу пшеницы сии. Но только,
как у нас говорят, куда ни поведешь, воронки
повсюду черны... Отец попал под вагоныку
и вернулся в деревню хромым калекой. В до-
вершение всего на шахте он успел так по-
страдаться к воде, что совсем окошко не стало
от него.

Я как раз учился тогда в пятom классе.
Братья и сестер у меня было очень много.
Откровенно говоря, я даже точно не знаю,
скольким. Некоторые умирали, едва появляв-
шись на свет, а те, что вырастали, ужасали

куда-нибудь работать да так и пропадали из
виду. Во всяком случае, к тому времени, ког-
да искалеченный отец вернулся домой, я был
самым старшим. Все мы — я, мать и еще чет-
веро малышей — и так еле-еле кормились с
нашего крохотного участка земли, а тут еще
вернулся отец и стал вырывать у нас послед-
ний сиз на вооду. Жизнь пошла совсем
непоносимая.

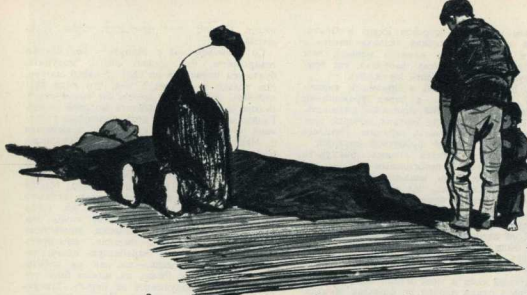
В это время я был, что называется, при-
мерным сыном. Нечего смеяться, истинную
правду говорю, меня и в школе хвалили, на-
зывали «способным ребенком». Каждый день
я отправлялся на берег нашей реки и грузил
там гравий. Натрусишь полную телегу —
получишь семьдесят сиз. Ну, а нагрузишь
телегу, когда приходится брать гравий со дня
реки,— это для детских рук работа на целый
день. Но считаться с этим, конечно, не прихо-
дилось. По крайней мере на заработанные
много денег мы могли dostaть себе карто-
шки и рисовой размзани.

Отец тащил из дома все, что попадало ему
под руку, продавал наши тряпки и на выру-
ченные деньги покупал вооду. А когда уже
все было продано, он своей отнимал у нас
с матерью наши жалкие гроши. И все-таки
мать терпеливо переносила все: она была
тихая, покорная. Ну, а что касается меня, то
я ведь недаром был «примерным сыном»,
хотя не раз плакал от обиды и гори, но тоже
терпел и попрежнему старался зарабатывать
деньги.

Вот так мы и жили... Я окончил пять клас-
сов и перешел в шестой. Наступил весна.
Как раз в это время вилсон Н., самый круп-
ный помещик в наших краях, решил соору-
дить на школьном дворе памятник в честь
своих предков. Так как я учился в самом
старшем классе, и к тому же еще был старо-
столь, то мне поручили произнести на от-
крытии памятного речь от имени учеников.
Теперь это может показаться глупым, но
тогда я чуть не обаядел от радости. Шутка
ли сказать, такой аристократ, на которого и
посмотреть-то обычно редко приходилось,
назвал меня примерным мальчиком и соб-
ственнолично дал мне в награду кулек с пе-
ченьем! Я возвратился домой из школы, от
радости ног под собой не чуя.

И вот как и, поглосенный этим дурацки-
м мыслями. Подхожу к подножию горы,
покрытой лесом,— а лес этот принадлежал ка-
ко раз вилсону Н.— и вдруг слышу крик: «Дер-
жите вора! Держите вора!» Затем из зарос-
лей выскочил человек, преследуемый сторо-
жами.— Стоптушки, человек устал!.. И что
бы вы подумали? Это был мой отец!

2

В первый момент я так растерялся, что не мог произнести и слова. Все лицо у отца было в крови. Его уже, очевидно, успели избить...

Какое противоречие: сын принимал к груди награду, которую только что получил от владельца этого самого леса, а отца за то, что он срезал в этом лесу несколько стволов бычьих, сторожа жестоко избил... Но разве тринадцатилетний мальчишка, каким я тогда был, мог это понять?

Как я ни плакал, как ни кланялся, стучался лбом о землю, все мои мольбы оказались только пустым шумом. Откуда-то меня, сторожа потащили отца в полицейскую управу. Я прибежал домой и вместе с матерью долго плакал. Ведь по милости отца-вора, приставившего к водке на этих погаших шахтах, мне казалось, все теперь пошло прахом: и почет, заслуженный мною, и моя будущая карьера. Так досадно мне стало, что и сказать трудно, и я принял твердое решение: во что бы то ни стало отвести отца от водки, наставить его на путь истинный.

Мы с матерью пошли в полицейскую управу. Полицейский, который, бывало, так добродушно улыбался, когда уносил с нашего огорода овощи, теперь выглядел сурово и строго, словно его подменили. Он принуждал нас, что отца будут судить. Пока мы урлаивали его, неожиданно зазвонил телефон. И странно: как только полицейский приложил трубку к уху, его отношение к нам сразу изменилось.

— Звонили от виканта,— сказал он, обращая ко мне.— На тот раз викант прощает твоего отца в награду за твоё примерное поведение...

Я поблагодарил полицейского и про себя подумал, что ради виканта, прощавшего моего отца, я не пожелал бы даже жизни... Теперь даже и вспомнить об этом смешно...

Существовала поговорка: «Сыновья почитальность — основа всею». Я все больше и больше ахал в роль Квиждиро Нивомы! Когда я вернулся домой вместе с отцом, освобожденным из-под стражи, мое первоначальное решение — поставить отца на путь добродетели — еще больше окрепло. Я чувствовал, что обязан сделать что-то бы из благодарности к виканту, провинившему такое великодушие.

И вот, посоветовавшись с матерью, я купил на десять син водки и поставил бутылку у изголовья постели отца, все время стоившего от боля. В глубоко ввалившихся глазах отца сразу вспыхнул лихорадочный блеск, он схватил дрожащей рукой бутылку и с жадностью стал пить большими глотками. Некоторое время я смотрел молча, а потом обратился к отцу с такими словами:

— Имей в виду, отец, больше водки ты не получишь. Прощу тебя, брось пить, а я буду за всех син учиться и, когда вырасту, сделаю замечательным человеком, выйдя из люди.

— Квиждиро Нивомы — японский ученый и общепитательный деятель эпохи феодализма. Известен как блестящий философ морали. (Примечание переводчика.)

Сперва он не обращал на меня никакого внимания. Я говорил, а он, зная себе, прислаживался к бутылке, пока не осушил ее до дна. Сделав последний глоток, отец вдруг сказал:

— Это кто же вбил тебе в голову всю эту ерунду насчет того, чтобы выйти из люди и сделаться замечательным человеком? Да они все хуже последних воров, эти твои замечательные люди!

Можете себе представить, как я был поражен, услышав такую речь. Ревнив про себя, что отец мой — несправильный человек, я начинаю проповедовать с еще большим жаром. Тогда отец, окончательно выйдя из себя, закричал:

— Перестань учинять! И ты тоже решил мучить меня, щенок! Когда я был крестьянином, помещику жить не давал, когда работал на шахте, надсмотрщик и хозяева измывались надо мной, а теперь ты соляк берешься меня учить, как надо жить на свете!.. Он, видите ли, собирается «в люди выйти!». Говорит же тебе, что они хуже воров, эти твои замечательные люди!

Весь дрожа, отец приподнялся на постели и замасливал на меня трубку с длинным чубуком. Я попытался схватить отца за руку, но не успел — трубка с треском раскололась о мою голову. Отец вдруг как-то странно застонал. Мать пронзительно вскрикнула и бросилась к нему. Когда я опомнился, отец уже был мертв.

Мы с помощью соседей мой несли гроб с телом отца на кладбище и похоронили его в общей могиле для бедных. Я не столько горевал, сколько находился в состоянии полной растерянности. «Кто же из нас был прав», — спрашивал я себя.— отец или я?

Каждый день я вспоминал слова, произнесенные отцом перед смертью; они были для меня настоящей загадкой. Чем больше я задумывался над этими словами, тем больше мне начинало казаться, что за ними кроется какой-то очень значительный смысл. Я не мог забыть их. Они не давали мне покоя.

3

Чем больше я размышлял, тем яснее мне становилось, что отец мой всегда трудился усердно. Но когда он понял, что сколько ни работай, а от нужды не уйдешь, его, видимо, охватило отчаяние. Конечно, отец не смог бы выразить свое отчаяние какими-либо мудреными, ученными словами, но сердцем чувствовал, что в жизни что-то идет не так, как надо. И вот, когда даже я, его родной сын, стал приставать к нему с уговорами и просьбами избавиться, это принуждало его смертельно бояться. До сих пор вижу, как он, разгневанный, измученный на меня трубой...

Смерть отца была для меня большим ударом. Как я теперь понимаю, это событие повлекло на всю мою судьбу. «Способный ребенок» превратился в тупицу, сделался угрюмым, молчаливым.

Когда мне исполнилось пятнадцать лет, мать отдала меня в соседний городок и отдала служить к торговцу рисом. Я проходил там три года: разослил рис, сторожил лавку, нянчил хозяйских детей,— одним словом, голянд меня основательно.

Первые два года работы у торговца рисом прошли, как и в колхозном сене. За всю мою жизнь я, пожалуй, не знал таких пустых лет. Но вот наступила моя восемнадцатилетняя весна, и передо мной возник новый важный вопрос. Жизнь моя — боюсь, что выражалась слишком торжественно,— жизнь моя вдруг наполнилась до отказа... Короче говоря, я подругился с девушкой по имени О-Сэки, которая работала служанкой у моих хозяев. И вдруг угрюмый, разочарованный в жизни парень, каким я был, сразу переменялся.

Однако мой рассказ, кажется, не принимает легкомысленную окраску? Но, знаете, недаром говорят: «Не расскажешь все без утайки — не научишься уму-разуму». Так что уж слушайте все до конца... Эти служанка была одних лет со мной и родом из той же деревни. В наших краях говорят: «Лишний рот — новый раскол», — потому, отсылая сына или дочь на заработки, рассчитывают не столько на какую-нибудь прибыль, сколько на то, чтобы избавиться от лишнего рта. Вот и эту девушку выставили из родного дома, как вырывают лишнего котенка... Так что в нашей судьбе было много общего, и не удивительно, что мы подружились. Хотя у девушек было безумно личико, они все же не была красивей: нос у нее плоский, глаза щелками. Не знаю, как и когда мы полюбили друг друга. Одним словом, наступила пора нашей весны...

И ведь отдался этой любви, словно летящий на огонь мотылек. Мы подолгу беседовали о том, как устроим свое будущее гнездо. Решили, что до двадцати трех лет будем усердно работать у нашего лесного хозяина и, накопив некоторое денеж, купим собственный маленький домик. Так мы мечтали в маленькой комнатке под крышей, устремив взгляд в черный, закопченный потолок. Какие это были блаженные, сладкие мечты!

Нам обном уже исполнилось по восемнадцатидать лет, когда в один прекрасный день к торговцу рисом явился человек, назвавшийся дедом О-Сэки. Рожая у него была самая мерзкая; разговаривал он так, что противно было слушать.

Вечером О-Сэки сказала мне, что дядя приглашает ее пойти с ним в магазин. — Он собирается купить тебе подарок? — спросил я.

О-Сэки горлопыло рассказала, что ее дядя ездил куда-то по делам, хорошо заработал

и теперь хочет подарить любимой племяннице хотя бы один обит. С этими словами выскочила на улицу, где ее поджидала «дочка», и ушла с ним, постукивая гитарой.² И запер лавку, подглядев в свою каморку под крышей и лег спать. А на следующее утро, зная на кухню, я увидела, как она выскочила за спиной. Она сама готовила завтрак.

— А где же Сакки-тя? — поинтересовался я. Толстуха-хозяйка с этакой гаденой улыбкой ответила:

— О Сакки-тя, парень, наша О-Сакки сейчас далеко отсюда, где-нибудь в шикарном отеле милоется с каким-нибудь господином...

Можете себе представить, что я почувствовала! Мне и раньше случалось любоваться всеми этими историями с презрением да и. Значит, предвещание меня не обмануло. Они действительно увезли ее обманом и продали, негодяи! Меня охватила такая гнев, что я бросилась к сидевшему за котворкой хозяину. Лысый дьявол сперва удивился, когда я рассказала о нашей любви, но под конец расхохотался.

— Дурень ты, дурень! — сказал он. — Подожди толковать об этом. Разве ты не достояние А? А тут я при чем? Этот торговчик твоим товаром явился ко мне с письменным разрешением родителей девушки и выплатил мне все деньги, которые я в свое время дал им за нее авансом. Сейчас они, наверное, уже пути в Нагасаки.

И сдухла хозяйка с отчаянием, чувствуя, что вернуть О-Сакки так же немислямо, как искать ветра в поле.

Но страше мне было переполнено любовью, и я все-таки спросила, куда ее увезли. Лысый черт, не отрывая глаз от котворки, равнодушным тоном ответил, что человек этот, по всей вероятности, из местечка Симабара, где много притонов для иностранцев. Когда стемнело, я сбегал от торговки в свою каморку.

Сперва я трясся в воезде, затем в парокорном трюме мучился от морской болезни и вот наконец добрался до порта Симабара.

И вышел на берег и стал бродить вдоль пристани, которые казались мне наиболее «подозрительными». Но ничего нигде — ни в районе публичных домов, близ порта, ни в квартале Тиюки, тянувшегося вдоль берега, — мне не удалось встретить никого, кто бы узнал меня по улице. Но нафти О-Сакки было все равно, что отыскать иголку в стеге сена.

Деньги у меня все вышли. Дорога обратно к торговцу рисом была отрезана. Я стоял у моря и рассанно смотрел на ночное море, светившееся яркими звездами блестями. На душе у меня творилось такое, что хотелось броситься в воду, и дело с концом.

4

Частенько и теперь еще недоумеваю: как это я и впрямь не бросился тогда в воду?

Охваченный горестными думами, я в тот вечер забрался в одну из небольших лодок, стесавшись в бочку с рисом и не спал.

Утром я отправился на биржу труда. Мне повезло: в тот же вечер для меня нашлась работа. Я обрадовался, но, приняв за работу, сразу понял, почему мне так быстро стало жаль: се неминуемо удавалось заглядеть сюда. Это была фабрика по производству так называемой «сесуи Осима». Ну и ужасная же была фабрика! Три раза в день рабочие кормили дрянным импортным рисом, единственной приправой к которому служила маринированная редька. Наш будний в пять часов утра, и мы работали до девяти часов вечера.

И все-таки я провел на этой фабрике целых полгода, мне некуда было поехать. Моя обязанность по данному рабочему состоянию в том, чтобы погружать связанные в пучки нитки в густую коричневую краску и поворачивать их, поворачивать без конца, а затем вытаскивать и снова опускать в раствор. Краска стрепила волосы и попадала в кожу, что руки у меня не отмылись.

Фабрика «Компания по производству сесуи Осима» была не очень большая. Здесь работало всего человек десять. То были главным

образом уроженцы островов Рюкю и Осима. Малая канифицированная ткачка вместе с мужем зарабатывала намного меньше, чем один рабочий на других фабриках, где трудомому люду тоже жилось не сладко.

Уж на что, кажется, я привык к ишени-сен-сиде-но-дэцу, а перед уроженцами островов Рюкю и мне пришлось спастись. Они ютились в жалких бараках, которые правильнее было бы назвать сараями. Пятились все вместе, в грязной фабричной столовой. Рабочий день длился полных тринадцать часов. Измученные непосильным трудом работники, с бедными, ввалившимися шеками, и тело делало клещи над станками, пропуская сквозь ослеплю челою.

Иногда в этот непостоянный труд такая ишени-сен-сиде-но-дэцу была в одной жалоба, но в одного слова недовольства. У меня тоже была нелегкая работа, но, глядя на работников, я испытывал какое-то странное чувство — чувство соболезнования на протест.

Глубокий след в моей жизни оставило знакомство с одним парнем по фамилии Мауду. Он работал поваром в фабричной столовой. Это был совсем еще молодой парень. Повидимому, у него было кое-какое образование. Рабочий день говорил он с японским акцентом. На мой вопрос, бывал ли он в Токио, Мауду долго не отвечал. И только впоследствии, когда мы крепко подружились, рассказал мне, что учился в Токийском университете и что его выгнали оттуда за участие в революционном движении.

Мы нередко бродили с ним в темноте на берегу моря. Там, за морем, находились мои родная деревня, там находилась и родина Мауду — остров Рюкю. Однажды я рассказал ему, как умер мой отец, как продала мою любимую девушку, Мауду долго слушал молча и вдруг сказал:

— Посмеетесь так — и на остров Рюкю и во все Япония. Пролетарии повсюду страдают от эксплуатации.

И тогда впервые услышал слово «пролетарии» и спросил:

— Это кто же такие пролетарии?

— Пролетарии — все вы! — коротко ответил Мауду.

— Кто же это меня эксплуатирует? — по-любопытствовал я.

Мауду засмеялся и ответил:

— Ты слушаешь, подумай хорошенько! Эти слухи глубоко запали мне в душу. С того дня я все больше и больше задумывался над их значением.

5

Почему мой отец должен был умереть такой смертью? Почему мою любимую утескушки животного товара? Почему я сам, точно бездомный пес, обречен на такое каменное существование?

Эти мысли не давали мне покоя. У меня было такое ощущение, будто передо мной стоит — точно громадное, непонятное. И я точно пытался сорвать занесу, мешавшую мне думать.

Если Мауду почему-либо не мог пойти со мной, я один отправлялся на берег и там предавался своим несвельным размышлениям.

По ту сторону тускло белеевского моря смутным силуэтом чернела деревня. Где-то там, далеко-далеко, затерялась моя родная деревня. Как-то поживает сейчас мать, мои маленькие братишки и сестренки? Удается ли им пожить хотя бы рисовой размывкой? От этих дум непроницаемые слезы наворачивались на глаза.

Все мои мысли проходила передо мной. Покойный отец... Любимая девушка... Вечно заплаканная мать... Изможденные лица моих товарищей... И пристально вглядывался в морскую даль, и в то время мне несколько пристрадало.

Мауду давал мне читать разные брошюры. Особенно взволновала меня небольшая книжечка в синей обложке. Называлась она «Сесуи Осима». У меня словно глаза открылись: я с изумлением озирался вокруг, как ребенок, впервые увидевший мир. Все мое думу, что накопилось за двадцать лет, разом получили объяснение. Я словно переро-

дился. Передо мной открылись новые горизонты.

Со временем мы с Мауду стали такими товарищами, что можно было подумать, будто мы появились на свет от одного отца. Мы тесно и крепко вертели друг друга, действовали, действуя во что бы то ни стало. Вскоре к нам присоединились молодой парень Гэндо из красивого шеха и девушка-работница О-Хана — уроженка Рюкю, дружившая с Мауду. Каждый вечер мы собирались. Собирались собирались, а как вести работу на фабрике, не знали, даже у Мауду такого опыта не было. По этой причине наша соборница носила очень нилый характер. Мыслились, что тогда мы этого не понимали...

Наступило жаркое лето. Однажды мы условились собраться в приморском парке. Мауду привнес с собой лавку листовок. «Хозяева нынче стали и дальше — говорю, в них нам лучше организовать протест забастовку.» — и вальсе все в таком же роде. Было решено, что Гэндо и Хана-тя разоблачат эти листовки в обшечити и в семейных бараках, а мы с Мауду распространяем их на соседней приморской фабрике и на одном из ближайших заводов.

Все мы горели энтузиазмом и были полны решимости. Нам удалось разбросать все листовки.

В следующий раз мы ринулись расклеить листовки об ужасных порядках на фабрике прямо на улицах города. Мне был поручен район. Вооружившись кистью и банкой с клеом, я отчаянно наклеивал листовки на столбах и стенах пригородных домов. Но меня выследил тайный полицейский агент, и меня арестовали. В тот же вечер арестовали и Мауду.

На душе у меня было очень светло: ведь, как я говорил, я впервые попал в тюрьму, да к тому еще во время ареста меня основательно избili.

Постепенно я подружился с людьми, сидевшими в одной камере со мной. Хотя здесь было довольно тесно, из-за ареста в тюрьме гораздо лучше, чем на фабрике. Так что малому-палому я стал думать, что все это в конце концов не так уж страшно.

И вот, когда мне уже осталось отсидеть три — четыре, один подросток, попавший сюда за кражу, рассказал нам, что в соседнюю каморку опять привели несколько женщин из «веселого» квартала. Это не первый раз приводили в тюрьму уличных женщин, так что было не удивительно, что и сейчас так. Но сейчас меня почему-то потянуло взглянуть на этих женщин. Пожаловавшись на боль в животе, я попросил дежурного выпустить меня на несколько минут...

Врешетку соседней камеры, я вскрикнул от удивления: там среди женщин сидела О-Сакки! Я оклинул ее. Услышав свое имя, она подняла голову. Сперва на лице ее выразилось недоумение. Очарованно, она встала и подошла ко мне. Потом ее лицо шармилось, как у человека, собирающегося заплакать. Она поднялась и подошла к решетке. На этом наше свидание и закончилось. Так птицы в полете кричат, что жалобно их лету, и гладиль, они уже далеко друг от друга...

Через три дня меня и Мауду выпустили на волю.

С фабрики мы ушли. Возвратиться снова в деревню мне не хотелось. И я вместе с Мауду поехал в Токио. А потом мы поступили на этот самый завод. Здесь я и стал членом профсоюза, в котором и был все со стороны. И вместе с вами я участвовал в общей борьбе.

Вот и весь мой рассказ, который я поведал вам, стоя у этого красивого здания.

Перевела с японского И. ЛЬВОВА.

¹ Широчный пояс.
² Деревянная обложка.

«Комсомольская площадь».

А. Ромодановская. Виды Москвы. (Акварели).

«Воробьевское шоссе».

200 лет МГУ

Фото И. Шагина, Д. Шоломовича, Я. Халина,
В. Тюккеда, Я. Берлинера.

Ленинские горы. Отсюда с крутого обрыва взору открывается ни с чем не сравнимая панорама столицы нашей Родины.

Мы любимся великим городом и невольно вспоминаем, что здесь, на виду у всей Москвы, Герцен и Огарев дали памятную клятву — отдать свои жизни борьбе за свободу и народное счастье.

Ленинские горы всегда были местом отдыха студентов. Сейчас они стали центром их жизни. Здесь, среди яркой зелени окрестных рощ и садов, возвышается величественный дворец Московского университета, который советский народ с гордостью называет храмом науки. Со всех концов страны стекаются сюда юноши и девушки — счастливые потомки Белинского и Герцена, Сеченова и Тимирязева, тех, кто внес несомненный вклад в сокровищницу русской науки и культуры.

...Гениальный Ломоносов, основавший два столетия назад Московский университет, верил, что

Может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

Пророческими оказались эти слова. Всемирно известных ученых, деятелей литературы и искусства воспитал Московский университет. В его стенах рождались и крепли лучшие традиции нашей отечественной науки: смелость, решительность, непримиримость в борьбе с косностью, горячий патриотизм. На протяжении всей славной двухсотлетней истории университета научные подвиги его питомцев и преподавателей тесно переплетались с примерами высокого гуманизма и беззаветного служения Родине. Здесь шли жаркие споры о будущем России, вынашивались смелые планы борьбы за народное дело. Здесь учились Герцен и Огарев, Лермонтов и Грибоедов, Белинский и Тургенев, Гончаров и Чехов и многие другие замечательные люди, которые составляли славу и гордость нашего народа. Во все уголки России несло отсюда возлюбленное, пламенное слово русских революционных демократов, гремящее набатом и завешивающее подвиг. По словам Герцена, университет рос являнием: в него, как в общий резервуар, являлись юные силы России со всех сторон, из всех слоев; в его залах они очинялись от предрусудков, захваченных у домашнего очага, приходили к одному уровню, братались между собой и снова разливались во все стороны России, во все слои ее.

Сколько замечательных людей получило здесь образование! Сколько их «разлилось» по всей России, чтобы сторцей вернуть народу полученные знания!

До революции доступ в университет для трудового люда был фактически закрыт. Не много удавалось пробиться через многочисленные рогаки, которые расставляло царское самодержавие на пути народа к знаниям.

Кануло в безвозвратное прошлое то мрачное время, когда высшее образование было доступно лишь избранным. После Октябрьской революции университет стал по-настоящему народным. Ныне на двенадцати его факультетах занимается свыше 16 тысяч юношей и девушек, представителей 59 национальностей Советского Союза.

По-отечески заботятся Коммунистическая партия и Советское правительство о нашей молодежи. Дворец науки на Ленинских горах — одно из ярких проявлений этой заботы. Для юношей и девушек здесь построен целый городок с просторными и светлыми аудиториями, лабораториями и библиотеками.

Около трех тысяч юношей и девушек с университетскими дипломами ежегодно пополняют ряды строителей коммунизма. Питомцы университета свои повседневные творческие трудом умножают богатства нашей прекрасной Родины.

М. В. Ломоносов — основатель Московского университета.

В этом здании (снимок справа), на том месте, где сейчас находится Исторический музей, помещался только что основанный Московский университет. В 1793 году по проекту архитектора Назанова было построено новое здание на Моховой улице (снимок сверху), которое во время московского пожара 1812 года сгорело и было позднее восстановлено архитектором Жюльярде. Сейчас здесь размещаются гуманитарные факультеты МГУ.

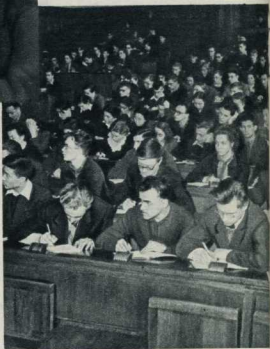

НА ЦВЕТНОЙ ВКЛАДКЕ: Сверху — главный корпус университета на Ленинских горах. Внизу слева — группа студентов направляется на занятия. Справа — скульптура юноши и девушки у входа в главный корпус.

Перо в руках Тамары Бессоновой замерло: лектор привел интересный фант...

Идет лекция. Сосредоточенные, внимательные лица. Все взоры устремлены на черной квадрат доски, усеянной цифрами и формулами. Шаг за шагом раскрываются бесчисленные «тайны» науки, и вот уже преодолена еще одна маленькая ступенька на большой, бесконечном пути познания. На снимках: справа — на лекции в Большой аудитории университета на Ленинских горах; слева — самостоятельные занятия студентов в читальном зале библиотеки географического факультета.

Сюда, в просторные, светлые аудитории, библиотеки, учебные кабинеты, в лаборатории, оборудованные точнейшей аппаратурой, присходят ежедневно тысячи студентов. Лифты-эскаперы влетают вверх, и на всех этажах начинается интуальная, полная захватывающего интереса жизнь. Над микроскопом, у чертённого стола, над географическим атласом склоняются головы юношей и девушек. Всюду идет напряженная учеба. Известные всей стране ученые руководят работой студентов, помогают им стать квалифицированными специалистами.

Самое совершенное оборудование позволяет научным работникам и студентам производить сложнейшие опыты. На снимках: в лабораториях и кабинетах университета на Ленинских горах.

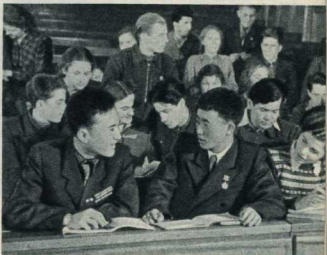
Занятия окончены, теперь можно отдохнуть. По-разному проводят студенты часы досуга. Одни отправляются в театр, другие — в свой университетский клуб на занятия кружков самодетельности, есть любители сыграть в шахматы или почитать интересную книгу. А иные предпочитают час — другой провести в гостиной. Глубокие кресла вокруг удобных столов располагают к отдыху. Студенты часто приходят сюда, чтобы послушать музыку, спеть веселую песню (снимок слева).

Общественка на Ленинских горах отличается своим исключительным благоустройством. Здесь все предусмотрено. В специальных помещениях можно приготовить обед, выполнить другие хозяйственные работы. На снимке внизу — студентки Нина Ильина и Тамара Запольская собираются в театр...

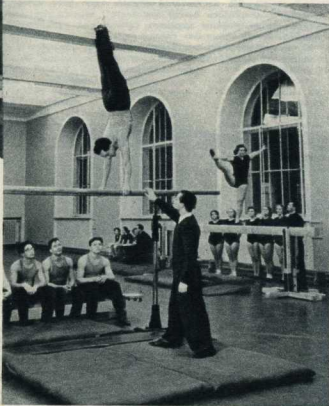
Студентки Иветта Вирина и Ли Вань-сюнь в читальном зале библиотеки географического факультета.

Из далекой Кореи приехали в университет Пак Дин Квон (слева) и Ча Сан Рюл (снимок внизу). В рядах Народной армии они сражались за освобождение своей родины. Теперь они студенты геологического факультета.

Спорт — одно из любимых занятий студентов. После напряженной учебы хорошо поразмяться в спортивном зале, поплавать в бассейне. Усталость как рукой снимет.

Многие студенты так и поступают. В университете есть все возможности стать хорошим спортсменом. В прекрасно оборудованных залах тренируются гимнасты, борсмены, фехтовальщики, баскетболисты... Работой многочисленных спортивных секций руководят опытные тренеры. На снимках: справа — студенты занимаются гимнастикой. Сверху — на водной дорожке в плавательном бассейне.

В Московский университет приезают юноши и девушки из стран народной демократии. В большой дружной семье советских студентов они находят верных друзей. Ничто так не объединяет, как единство благородных стремлений. Зарубежные товарищи приехали сюда, чтобы овладеть знаниями, чтобы по окончании университета, вернувшись на родину, помочь строить новую жизнь. Сан колхозника из Смоленской области, дочь рабочего из Мукдена, парень из Лодзи, заблужденный в боях юноша-кореец — все они горят одним желанием: принести наибольшую пользу своему народу.

Это благородное стремление неразрывным узами скрепило дружбу студентов — сынов и дочерей разных народов. Университет стал для них родным домом. Пять лет жизни и учебы под одной крышей — срок не малый. Придет время, и они разведутся. И где бы ни жил воспитанник Московского университета, он всегда и всюду будет верен студенческой дружбе, всегда будет с благодарностью и гордостью вспоминать об университете, история которого богата славными революционными традициями, примерами безстрашной борьбы за счастье народа.

«Постояли мы, поставили, оперлись друг на друга и, вдруг обнявшись, прислугали, в виду всей Москвы, помертвовать нашей жизнью на набранную нами борьбу». Этот эпизод, описанный Герценом, запечатлен на гравюре художником Н. Дмитриевским.

Вокруг В. Г. Белинского в университете сгруппировались наиболее передовые студенты. Всех их объединило горячее чувство любви к Родине, народу. Художник Б. Лебедев посетил этой теме свою картину «Группа Белинского в университете» (снимок справа).

Многие знаменательных событий, имен и дат связано с Московским университетом.

Во время первой русской революции 1905 года передовая, наиболее прогрессивная часть студенчества вместе с рабочими столицы участвовала в стачках и забастовках. Студенты под руководством большевиков создавали боевые дружины и сражались на баррикадах.

В 1911 году в ответ на полицейские притеснения студенты объявили забастовку. Царское правительство жестоко подавило ее: сотни студентов были исключены из университета. В знак протеста более ста преподавателей демонстративно покинули университет. Среди них — К. А. Тимирязев, Н. Д. Зелинский, С. А. Чаплыгин и многие другие передовые ученые того времени.

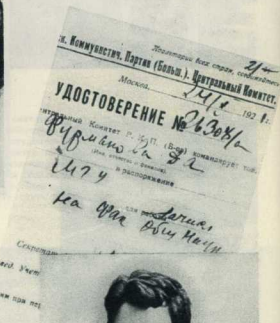
Не легко было в то время учить и учиться, давать вперед науку. Царское правительство считало университет рассадником «кларнета», оно притеснило лучших его профессоров и преподавателей, урезало и без того мизерные средства, отпускаемые университету.

...Октябрьская революция уничтожила буржуазно-помещичий строй в России. Двери университета широко распахнулись для народа. Его аудитории заполнили рабочая и крестьянская молодежь. С ними волнением приступала она к первым занятиям! Московский университет готовил новую, советскую интеллигенцию, связанную кровными узами с народом. Тысячи выпускников шли на заводы и фабрики, в промышленность и сельское хозяйство, внося свою долю труда в строительство коммунистического общества.

В лабораториях и кабинетах университета работал виднейший ученый и общественный деятель К. А. Тимирязев (снимок сверху).

В 1921 году на факультет общественных наук университета пришел комиссар легендарной Чапаевской дивизии Дмитрий Фурманов. В университетские годы он опубликовал своего «Чапаева», ставшего любимой книгой миллионов людей.

Революционно настроенное студенчество подвергалось всюду местным гонениям со стороны царского самодержавия. На снимках: слева — одна из чашевен после обстрела мандаринами; внизу — солдаты охраняют вход в университет.

Богаты революционные традиции Московского университета. Их свято хранят, продолжают и умножают тысячи юношей и девушек — сегодняшних студентов. Выйдя из университета, они неустанно будут трудиться на благо любимой Отчизны, всеми силами способствовать ее процветанию.

Плещеево озеро

Тысячи людей ежегодно посещают Плещеево озеро. Оно находится в ста сорока километрах от Москвы. К его живописным берегам едут художники, писатели, артисты, геологи, рыболовы, охотники и просто туристы. Никто из них не найдёт здесь ни следа цивилизованного и пошлого, и интересная история этого озера. Люди издавна жили на его берегах. Визитная карточка отдалённым странам переловочных людей, обнаруживая в двух тысячах курганных мери и бронзовых вещей в IX-X веках славян. На северном берегу озера сохранился вал древнего города Плещина. В 1152 году Юрий Долгорукий занял валом возмущённый город Переславль-Залесский, и город вошёл в состав старых городов нашей Родины. Здесь, на Плещеевом озере, начал свою карьеру один из мастеров русского военного флота Пётр I. В это время он красил петровский ботик «Фортуну».

История этого края хорошо известна, но история Плещеева озера долгое время оставалась загадкой. Плещеево озеро, имеющее овальную форму, лежит на 170 метрах выше уровня моря. Площадь его — почти 30 квадратных километров, глубина достигает 32 метров. Тысячелетия назад эту котловину выдолбили гигантские ледники, а когда их существование прекратилось, она наполнилась водой.

Главная особенность Плещеева озера, подтверждающая его ледниковое происхождение и отличающая его от остальных озёр северной полосы европейской части СССР, то — необычайная прозрачность воды. В тихую погоду дно видно с высоты девятиметровой воды.

Интересно строение дна. Оно своеобразно: хотя свайки и юго-западу, Глубина озера в момент его появления сильно изменилась, но в некоторых местах оно много мельче и глини, на дно оседают обломки раковин, моллюсков и растений. Постепенно дно покрывало мощным слоем ила. Бурение, проведенное в 1948 году, показало, что в центральном частях озеро отложения достигают 15—17 метров.

Плещеево озеро отличается богатством соляных ресурсов. Это отразилось в названиях окрестных сел — Солиха, Усолка, что видно в глубокой древности существовали соляные варницы. Под землёй находится пласт каменной соли, проходящий под озерами Плещеева и Шенши. Пласт постепенно развалился, и на его месте в юго-западной части озера появились небольшие пруды глубиной до 49 метров.

Восточная часть озера — реинка озера — происхождения его животного и растительного мира. Кроме озера Плещеева, не водится особая порода рылец, или, как называют их в окрестностях, «плещеевская сельдь». С древности в реинке она составляет главное промысловое богатство озера. Вероятно, установлено, что тысячи лет назад рыльца переселились сюда из Чёрного моря, через Шенши, Волгу и Нерль. Кроме рылец, в озере водятся ещё до десяти тысяч видов других рыб. Восточная часть озера представляет собой молодую — колдворную. Это правильная форма, безветренная, чистая, размером немного меньше футбольного мяча. Установлено, что такое расстояние встречается только здесь и в нескольких высокогорных озерах Швейцарии.

Вокруг озера можно увидеть валуны, принесённые ледниками. Среди них выделяется огромный гранитный валун синего цвета сросло. Более чем в 60 раз превышает «Синий камень». Лежит он на северном берегу озера у деревни Александровское. Названа она так в честь Александра Невского.

С. ВАСИЛЬЕВ,
кравед.

Говорят: «Лёгкая атлетика — мерило уровня спортивной культуры страны». Мировая Олимпиада 1952 года подтвердила ведущее положение этого вида спорта: все 70 стран, приславшие свои команды, включили в состав в их состав прежде всего легкоатлетов.

Поговорим о нашей легкой атлетике, о ее прошедшей и будущей, попробуем подвести итоги и составить как-нибудь прогнозы.

Передо мной списки сильнейших легкоатлетов мира за 1952 и 1954 годы. Два года назад советские спортсмены по всем видам легкой атлетики в первых десятках занимали 29 мест, а представители Соединённых Штатов Америки — 88. Теперь картина существенно изменилась. За последние два года американцы потеряли 26 мест, а советские легкоатлеты отозвани 21. Сейчас в первых десятках в первых десятках занимают 50 мест. Особо оснований быть в литеры нет, но шаг вперед сделан. Больших успехов советские легкоатлеты добились в прошлом сезоне. Они установили 106 рекордных рекордов, из которых 18 утверждены как европейские и 18 — как мировые. Семнадцать советских спортсменов стали чемпионами Европы.

Это отрядные достижения, но, пожалуй, главное все-таки не в них. Гораздо важнее то, что в прошедшем сезоне пополнился резерв ведущей отряды наших легкоатлетов: нормы первого разряда выполнили более тысячи бегунов, прыгунов и метателей; нормы мастера спорта выполнили в два раза больше спортсменов, чем в 1953 году. А ведь норма мастера спорта Советского Союза равна результату мирового класса.

Неуловимо растет любовь нашей молодежи к легкой атлетике. Только на старты весенних массовых заочных соревнований вышло более полумиллиона физкультурников.

Говоря об итогах прошедшего года, нельзя ограничиться цифрами. Надо сказать о тех, кто шел в главе отряда советских легкоатлетов.

Кто не знает теперь Владимира Куца! Первый раз я увидел его в 1951 году, на берегу Черного моря, давая он со своим товарищем «морская» состав из Берга. Тогда беловолосый среднего роста плечистый парень тренировал только первый сезон, но сразу стал победителем.

Прошлой осенью в Лондоне, на стадионе Уайт-Сити, Владимир Куц встретился со знаменитым бегуном, чемпионом и рекордсменом Англии Клиффордом Чатаузом. Мне довелось с ним сделать делом этого вонющего соревнования. Без прохода в полном соответствии с духом двух мощных прожекторов. Пять километров Куц шел вперед и только на последнем метре Чатауз броском на ленточку опередил

Л. ХОМЕНКОВ,
государственный тренер по легкой атлетике

советского спортсмена, установившего мировой рекорд.

«Куча она соня пляж привез англичанин к финишу», писали газеты, а отбегу мировой рекорд», — поощрял тогда Куц. Через несколько дней он сделал свое слово: в единорыве с Эмилем Затепоком советский спортсмен прошел 5 тысяч метров за 13 минут 51,2 секунды. Такой время было показано впервые за всю историю мирового спорта!

Минувший спортивный сезон принес новые успехи и Ардалову и Игнатю. Сальский бегун, он в течение одного года сумел пройти расстояние от колхозной спортивной площадки до олимпийского стадиона в Хельсинки. В 1954 году он возглавил «дворцовку» сильнейших мира в беге на 400 метров.

Лучший результат в беге на 400 метров с барьерами показал Анатолий Юлов, мировые рекорды в метании молота установил Михаил Кривоносос и Станислав Ненашев, в беге на 800 метров — Нина Оттавено, в прыжках в высоту Александр Чудина, метания копья — Надежда Колева.

Таковы успехи. Но давайте взглянем на таблицу рекордов СССР и мира. Оказывается, успехи наших легкоатлетов еще недостаточно высоки.

Относительно благополучно обстоят дела у легкоатлетов. Из 11 зарегистрированных мировых рекордов 7 принадлежат советским спортсменам. Надо сказать, что наши женщины продолжают на ступени на рекорды. В мировые десятку за 1954 год им принадлежит уже 50 мест.

Но нашим мужчинам покажется пока нема. На их долю приходится только три мировых рекорда. Беда в том, что наша легкая атлетика развивается очень неравномерно. Есть ряд «забытых» видов, где результаты растут, выразив образно, по геологическим периодам.

Мне запомнились удачная карьера, которую я видел года два назад в газете. Перед нами, изображающим прыжок в высоту, стоят два человека худощавые, сумев так удачно сквалить мо-

«Вонга» подала.

Рисунки Ю. Узбажкова.

Недоступная вершина для некоторых «мастеров».

мент переода через планку — спрашивает один. Другой отвечает: «Ненего скажи, хорош момент! Прыгун держится на этой высоте уже пятый год...» Теперь можно было бы внести поправку на прыжки в содомый год держится прыгун на этой высоте! Ведь всеосезонный рекорд по прыжкам в высоту, установленный Юрием Ильевским в 1948 году, не побит и по сей день. Рубяк в два метра оказался для наших прыгунов эроковым.

Отстающих видов легкой атлетики еще немало: туг и прыжок в длину, и метание диска, и бег на средние дистанции. Можно ли назвать Олега Агеева и Михаила Вельсвейлера настоящими рекордсменами страны, если их результаты в беге на 800 и 1500 метров ниже нормы мастера спорта? Как же случилось так, что наши ведущие легкоатлеты, достигнув определенного уровня мастерства, топчутся на месте?

Чтобы снест ответить на этот вопрос, приведу пример из области альпинизма. При каждом восхождении наступает момент, когда нужно сделать последние усилия для штурма вершины. Это, как правило, бывает самый тяжелый, самый трудный участок пути. Именно в этот момент надо сосредоточиться всю волю, призвать на помощь все знания, проявить максимум изобретательности. Здесь уже неприменимы средства, с помощью которых альпинист достигал вершины. Известен ведь случай, когда пропавший покоритель гор Виталий Абакалов и его спутники в трудную минуту надели «кошки» даже на руки!

Вот этой-то целенаправленности, настойчивости, творческого отношения к делу при штурме

СЛОВО ДЯТЛА К ЧИТАТЕЛЯМ

«Дятлы, семейство птиц. Приспособлены к древесному образу жизни: оперение жесткое, рулевые перья длинные (служат опорой), пальцы длинные, с острыми когтями (2 обращены вперед, 2 — назад), клюв длинный, язык длинный, клейкий. Полеты уничтожением насекомых-вредителей.»

(Энциклопедический словарь)

Дятел я. Хозяин леса.
Ряд представитесь, друзья!
Пусть большого интереса
Не привлекаю пока что я.

Средь всякой сейчас почетом
Пользуются словами,
— Дятел! Случно, мол... Да что там
Перестуки все твои!..

С журавлями на кочевье
Ты летаешь бы вдаль небес,
А долбить кору деревьев
Что тебе за интерес?!

Слышала я, какой-то дятел
Обозвал другого мной:
— Что завадил, словно дятел,
Кто ты, в сущности, такой?

Темен дядя, не знаком он с тем,
что я польза и в лесу,
что я вредным насекомым
Истребление нешу.

Что недаром все стучу я,
что работую своей
Сделает доброе зочу я:
Лес свой сделать здоровей.

Весь бывает так порой:
Дуб и земля и высок,
Но завелся под корою
Невалкиный червячок.

Точит, сушит он коренья,
Но дает дубку жизнь я.
Вот тогда без промедленья
Принимаю меры я.

Тут-тук-тук — и нет злодея!
И опять здоров дубок,
Сразу смотрит веселее...
Труд мой славен и высок!

И того из молодежи,
В ком завелся червячок,

Я хотел бы казнуть тоже,
Чтоб он был, как тот дубок:

Вновь здоров и непременно
Чтоб душою чище стал.
На страничках вышней «Смены»
Я жалею облабыва.

И — хотите ль, не хотите ль —
У меня один ответ:
Я теперь здесь местный житель
И на много-много лет.

Непорядки все открою
Я вот с этой вышности.
Их ничто от глаз не скроет:
Ни болота, ни кусты,

Ни красивые цветочки,
Никакой бумажный лист...
Доведу я все до точки:
И ведь дятел-журналист.

Не подумайте, бахваляством
Я пред вами занался,
И здесь вроде как начальство,
Преодо мной округа вся.

Всегда есть друзья по долгу:
Друзья и вводить не прочь.
Будем мы работать с тоаком,
Кто ж не хочет мне помочь?!

Не захочет кто для дела
Ум и сердце приложить,
Словом острым, точным, смелым
Влагу общему служить?

Кто? Таких как будто нету!
Среди массы срочных дел
Комсомольские газеты
Я прилагаю просмотря.

И сегодня, в День печати,
Лучшее, что в них открыта,
Я, допущенный друг ваш, Дятел,
Обнародовать решил.

Континговать он всех готов
Открыто, без обиняков.
Но что там? Он смущен
Перед трибуной в единой
Платье.
На судей называет милой,
— И читатель в значительной
Ом приподнял «пленум»: —
По чужой ответственности
Жале.

«Молотов-Сталин»
— Те Толды!»

— Делушка, вам не пристало
по за молотовскими ухаживать.

— Очевидно, да что я, твою
Мать! Вела на какой станции
Дядя — ты одной пар
тиньярской!

«Комсомольский Доблесный
(г. Сталин)»

Тоска по масштабу —
«На смеху»
г. Свердловск»

III курс

I курс

II курс

IV курс

3 лет в институте
Отшила голову «блеск»
Уральского педагогического
своего институте.
г. Свердловск»

V курс

Размышления коммунистов
перед получением назначения
на работу:
«Первым делом не знаю,
куда ехать работать после
отчисления института. Везде
идут, везде будет хорошо.»

А что же дальше, не знаю,
и кому из родственников
лучше обратиться, чтобы ос-
тавлен в городе.

«Молотов коммунист»
(Свердловский)

— А всегда стравлялась дети
в ноги со временем. И празднично
напирала, и закрутила
оба волоса «кавалитетского»
двойня «способом»
«Светлана» «Светлана»
«Светлана» «Светлана»

ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА «СМЕНЫ»

(Окончание. Начало см. №№ 1, 3, 5 и 7 журнала)

РАЗДЕЛ V.

Шахматные шутки

ОПАСНЫЕ КОНИ

У черных огромный перевес в силе: на доске все 16 фигур! В расширившем белых всего шесть фигур. Попечение обоим королям в центре доса небезопасно, но у белых активны короли, а черные гофы атаковать короля противника всею командой своих фигур.

а б в г д е ж з
1 2 3 4 5 6 7 8

Очередь хода за белыми. Какую из них спасти полководцу?

МАТ В ПОЛОДА!

Не улаживает, читатель, мы не оговорились. В приведенной ниже позиции действительно одна из атакуемого хода уже сделана.

СПОРТИВНЫЕ

СООРУЖЕНИЯ

СТОЛИЦЫ

Минувшей зимой отечественные площадки получили два отличных плавательных бассейна: при Московском энергетическом институте имени В. М. Молотова и самый крупный в стране бассейн Центрального спортивного клуба Министерства обороны.

О размерах этого сооружения можно судить хотя бы по тому, что бассейн имеет всемирно известную трибуну доромов: в соответствии с международными правилами здесь могут регистрироваться все мировые рекорды; удобные трибуны вмещают более 2 тысяч зрителей.

Для строительства самого крупного в стране бассейна использованы последние достижения советской науки и техники. Вода беспрепятственно очищается с помощью кварцевых фильтров и автоматически хлорируется. Абсолютно герметичные трубы регулируют температуру воды. Здесь все предусмотрено для серьезной тренировки пловцов. Есть комнаты для тех, кто называете этого пловца, два гимнастических зала, бани с душем, душевые, комнаты для восстановления пловцов, вра-

тбуется найти вторую половину!

Белые — Кр11, Ф4, Л1, Л2, С4, П5, К6, с2, с4, с5, с3.
Черные — Кр15, Ф4, Л1, Л2, С4, П5, К6, с2, с7, с7, с7, с7.

ГДЕ ЧЕРНЫЙ КОРОЛЬ?

На шахматной доске все в 8 фигур, и пешки белых зазнают свое первоначальное положение: Кр1, Ф1, Л1, Л1, С1, С1, К1, К1, пешки а2, б2, с2, д2, е2, ф2, г2, г2, белые фигур на доске нет.

На каком поле должен находиться король черных, чтобы белые могли объявить ему мат в три хода?

ШАГ НАЗАД — ШАГ ВПЕРЕД

В позиции, которую мы ныне приводим, задание весьма оригинально: белым берут свой последний ход назад и после этого дают черному королю мат в один ход.

Условия для всех трех позиций одинаковы, но достигается оно совершенно различными путями.

И

Белые — Кр1, Л1, С1, К4, п.а.2, л2, с3, 64.

Черные — Кр1, Л2, К3, п.а.4, б6, ф7, е7, б5.

II

Белые — Кр1, Ф2, Л3, п.а.6, ф2, б2.
Черные — Кр4, Ф7, Л1, С1, С2, К4, п.а.5, ф7, б6.

III

Кр1, Ф2, Л4, К5, п. с3.
Черные — Кр1, Ф5, Л3, Л8, С1, С1, К6, К1, п. а2, ф3, ф7, г7, б6.

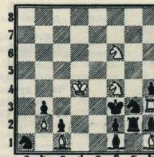
ОРИГИНАЛЬНАЯ ЗАДАЧА

Широкий круг любителей шахмат мало знаком с любительскими заданиями на обратный мат. В этих заданиях условия весьма необычны: сильнейшая сторона (Белые) должна являться оригинально: Белые берут свой последний ход назад и после этого дают черному королю мат в один ход.

А теперь решим одну несложную, но остроумную задачу, где белые начинают и выигрывают обратный мат в три хода.

Белые — Кр1, Ф5, С3, К2.
Черные — Кр1, Л4, п. ф4.

ПУТЕШЕСТВИЕ КОРОЛЯ

а б в г д е ж з

В этом принудительном положении ход за белыми. Задача состоит в том, чтобы как можно быстрее прозаточить неприятельского короля. А этого вовсе не просто добиться, несмотря на связанность почти черных фигур. Цели можно достичь, лишь предприняв весьма оригинальные шашечные по весьма оригинальному маршруту. Не найдите ли вы этот маршрут?

КРАТЧАЙШИЙ ПУТЬ

Как, наименее играя шахматную партию, можно кратчайшим путем добраться такого положения:
Белые — Кр1, Ф1, Л1, Л1, С1, С1, К1, п. а2, б2, с2, д2, е2, ф2, г2, б6.

РЕЗУЛЬТАТЫ 2-го РАЗДЕЛА ОЛИМПИАДЫ

Юри подвело итоги 2-го раздела шахматной олимпиады — решение шахматных этюдов. Наиболее обстоятельный и правильный разбор всех этюдов олимпиады составили 15 участников: завсеголовый фабиан «Ригас-Танкис» Э. Валчинос (Рига), офицер Советской армии, гроссмейстер И. Ивановский (Архангельск), ученик 10-го класса «Б» средней школы № 1 Л. Исра (Вильнюс), математик Н. Пангелавас (Таллин), студент университета И. Роос (Таллин), студент университета И. Саргис (Вильнюс), преподаватель художественного училища Л. Шитов (Москва), болгарские шахматисты Н. Мариулов (г. София) и П. Арнаудов (г. Разград), преподаватель советской школы Н. Жунов (село Утрочно, Архангельская область), В. Мейзингер (с. Краснотуркмас, Красноярского края), Юлиане (Вильнюс), младший крупный дома пионеров (г. Куйбышев, Кировская область).

Узнаваемый товарищат присутствовал 20 баллов из 20 возможных, они объявлены победителями 2-го раздела олимпиады.

На первой странице обложки: Первомайская демонстрация в Ленинграде. На четвертой странице обложки: «Рододендроны». Фотограф И. Гиплерейтер.

Черные — Кр8, Ф4, Л8, Л8, С8, С8, К8, п.а.7, б7, с7, д7, е7, ф7, г7, б7.

ЗАБАВОНО ПЕРВЕРЩЕНИЕ

Белые — Кр5, Л7, п.б7.
Черные — Кр2, Л8, п.б7.
В данную фигуру белые должны превратить пешку, чтобы дать мат черному королю в один ход!

ШУТКА МАСТЕРА

ГРИГОРЬЕВА

Известный шахматный мастер Н. Д. Григорьев однажды показал группе любителей белой пешку, стоящую рядом с фигурой, которую были расставлены так:

Белые — Кр7, п. ф3 и г7; черные — Кр8, п.б7.

«Белите необычную задачу», — сказал мастер. — Белые, как легко заметить, могут дать мат черному королю в один ход вперед стоящей пешкой. А вот самым образом заматовать черных другой белой пешкой, стоящей сзади, конечно, не превращая ее в фигуру? Шахматисты долго ломали голову, но так и не смогли найти ответ. Мастер был доволен, и наконец, когда мастер молниеносно решил задачу, озадаченный замечательный шутник.

А не смонете ли вы, читатели, подсказать, в чем заключается шутка мастера Григорьева?

РЕШЕНИЕ ЭТЮДОВ

(в сокращенном виде)

№ 1
Л12 С1 К4 Л12 + С5 + С5 Л1 Е2 А 2. Ф4 Л12 + 5. Л12 С4 6. Л2 + С3 7. Л1 Е3 8. Л4 Е4 9. Л4 + С5 10. Л4 + С5 11. Кр15, и белые выигрывают.

№ 2
С12 + Кр2 С3 + Кр4 3. С8П Ф1Е4 А Ф3 + Кр5 5. Ф3 + 3, и белые выигрывают.

№ 3
Л1 Л1 С1 К4 Б Л7 + Кр1 Л13 А К16 Л1 + Л14. Пат. т. е. ничья.

№ 4
1. Ф7. Ф2 Л8 + Кр3 Л1 Кр3 + Кр3 А Ф18 + Кр3 5. Ф4 Л1 Кр3 Л4 6. Л4 + Кр3 7. е Кр5 А. С12 + Л4 9. Кр2 Кр5 10. С6 Л1, и белые выигрывают.

№ 5
1. Л4 + Кр5 2. Л3 С15 3. К14 + Кр5 4. Л14 С17 5. Ф5 + П 6. К13 + Л7 14 X.

№ 6
1. С7 Л7 2. Кр4 Кр3: а7 3. Кр5 К15 А. С12 Л1 Л6 А Кр5 Л2 6. С12 Л1 С14 КМ 6. С12 Л15: 9. Кр4 Л5 10. Л4 Л5 11. Кр3 Л5 12. Кр3 Л1, и белые добились оригинальной ничейной позиции.

Главный редактор М. А. Вялчик.

Оформление номера В. Максина.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Гравды», 24. Изд. № 358.

Тел. Д-33-3424. А 02420. Формат бумаги 70 x 108мм.

Подписано и печатно 29/IV 1955 г. Тираж 250.000 экз. 1,75 руб. д. — 4,8 печ. д.

Ордена Ленина типография газеты «Гравды» имени И. В. Сталина.

ЖИЗНЬ—ПОДВИГ

Юлиус Фучин. С глубоким уважением, с большой любовью пронесли мы это имя. Оно вымывает в нашем воображении мужественный образ замечательного сына чехоского народа, человека, страстно борющегося за торжество коммунистических идей, героя, преодолевшего смерть.

Фучин был большим другом нашей страны, ее горячим патриотом. Он называл Советский Союз «страной вечной весны». Из Москвы, из Ленинграда, из Средней Азии он посылал в газету «Руде право» очерки и репортажи о СССР. Он рассказывал своим соотечественникам «правду о стране, строящей социализм, о стране, постоянно растущей, о стране, где в унисон бьются сердца... миллионов человек». Глядя на наши стройки, он видел завтрашний день своей родины.

В годы гитлеровской оккупации Фучин входил в состав подпольного Центрального комитета Компартии Чехословакии, являлся редактором нелегальной газеты. Он писал статьи, звавшие народ на борьбу, составлял тексты листовки. И каждое слово его было проникнуто глубиной верой в торжество правого дела:

«Еще в подполье находимся мы, но и там мы куем победу свободы, победу социализма!»

Фучине не сложили ни арест, ни жестокие пытки, ни заключение в гестаповском застенке. «Узник номер 267» не чувствовал себя оторванным от партии, от товарищей. Он и здесь продолжал борьбу. О днях, проведенных в тюрьме гестапо, он рассказал в бессмертной книге «Репортажи с петлей на шее». Ее недаром называют одной из самых ярких и удивительных книг нашего времени. Она написана кровью сердца. Ее можно читать десятки раз и находить в ней новые и новые мысли. Эта книга, созданная человеком, обреченным на казнь, полна высокого оптимизма. Она учит стойкости и мужеству.

...Идет весна 1955 года. 9 мая народы отмечают День Победы над фашистской Германией. В этот день десять лет назад была освобождена от гитлеровских захватчиков и столица Чехословакии — Прага. Вспоминается один эпизод, описанный Фучином в «Репортаже». Однажды гестаповец Вем, пытаясь «воздействовать» на нервы заключенного, сказал Юлиусу:

— Я знаю, ты любишь Прагу. Посмотри на нее. Неужели тебе не хочется вернуться сюда? Как она хороша! И останется такой же, когда тебе уже не будет...

— И станет еще прекраснее, когда здесь не будет вас, — прервал его Фучин.

Да, Прага стала еще прекраснее. Нынче это столица народно-демократического государства, успешно идущего вперед по пути и социализму. Народ Чехословакии, взявший свою судьбу в собственные руки, строит новую жизнь. Будучи пренебреженным великой решимости отстоять мир, он помнит слова своего национального героя Юлиуса Фучина:

— Люди, я люблю вас! Будьте бдительны!

На этой обложке мы помещаем рисунки молодого художника Витора Кобелева, который работает над серией иллюстраций к произведениям Юлиуса Фучина.

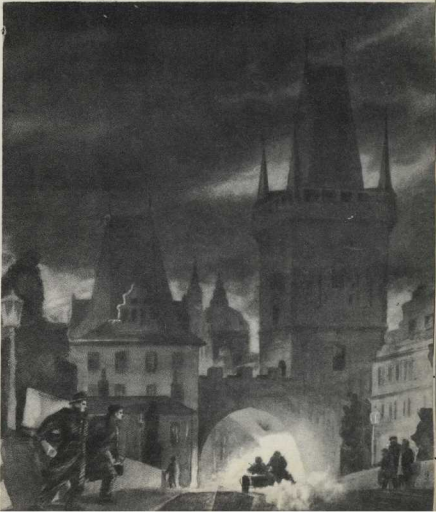

«Люди, я люблю вас! Будьте бдительны!»

Патриоты расклеивают в Праге антифашистские листовки.

После ареста. Допрос Юлиуса Фучина — учителя Горана — во дворце Печена.

Цена номера
2 руб.

